

**ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
К. К. МАМАНТОВ**

ерой Тихого Дона, «вихорь-генерал», «донская стрела» – Константин Константинович Мамантов. Его образ навсегда остался на страницах Гражданской войны в ярых, беспощадных атаках казачьей конницы, смелых, даже авантюрных набегах и прорывах. Трудно представить его в зарубежном «рассеянии», человеком, обремененным тяготами эмигрантского бытия или дрызгами внутри казачьего стана.

Очень многие биографии Белого генералитета неизвестны современным исследователям. Читая скудные строчки послужного списка, не можешь представить себе жизнь того или иного участника Белой борьбы. Появляются многочисленные мифы. И чем более заметна фигура Белого генерала, тем большим количеством мифов она обрастает.

Жизнь Константина Константиновича – яркий тому пример. В его биографии встречается очень много неточностей и разночтений. Почти все документы, личные вещи, письма и фотографии хранились у его вдовы Екатерины Васильевны Мамантовой (урожденной Сысоевой). Но некоторые из них погибли во время Второй мировой войны, а остальные были украдены у вдовы в 1945 году в Вене.

Начнем с фамилии. Почти в каждой советской книге по истории Гражданской войны ее писали «Мамонтов» («Мамонтовский рейд»). Между тем никаких ассоциаций с доисторическим животным здесь не было. Не было и родственных связей с Саввой Мамонтовым – известным меценатом. Дело в том, что так называл генерала Л. Д. Троцкий, намеренно искажая фамилию «белобандитов» в своих приказах. Позднее это написание сохранилось, а о восстановлении исторической истины по отношению к «контрреволюционеру» в то время думать не приходилось. Книга советского военного историка М. Рымшана «Рейд Мамонтова» (кстати, одна из немногих, объективно отражающих историю рейда) надолго закрепила «Мамонтова» в историографии. Правда, в советской энциклопедии «Гражданская война и иностранная военная интервенция» приведен замечательный по своей простоте вариант – «Мамонтов (настоящая фамилия – Мамантов)».

На самом же деле, в послужных списках, приказах и большинстве белых мемуаров фамилия генерала писалась как «Мамантов». В святцах указывается имя «Мамант» с ударением на втором слоге, по-гречески оно означает «сосущий грудь». От этого имени и произошла дворянская фамилия Мамантовых.

Следующий, довольно распространенный миф: Мамантов – «природный» казак. На самом деле, его рождение, воспитание и начало военной карьеры не имели никакого отношения к казачеству. Будущий генерал родился 16 октября 1869 года в Санкт-Петербурге в семье офицера Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка Константина Николаевича Мамантова. Древний род Мамантовых, известный по земельной росписи еще с XV века, владел несколькими имениями в Псковской, Новгородской и Минской губерниях (в части документов даже отмечалось «из дворян Минской губернии»). Семейные доходы были небольшими, однако позволяли содержать дом в Петербурге и обеспечить сыну хорошее военное образование, а в том, что он продолжит семейные традиции и будет военным, родители не сомневались.

Полученное образование и связи в петербургском свете предполагали если не блестящую, то хорошую, достойную карьеру офицера-кавалериста. Так, брат Константина Николаевича – Валерий Николаевич приходился зятем

российскому министру финансов, а позднее премьер-министру Владимиру Николаевичу Коковцову (его женой была родная сестра премьера). Двоюродный брат К. Мамантова Николай Николаевич Коковцов находился рядом с генералом почти до самых последних дней его жизни. Мамантовы вели светскую жизнь, часто давали небольшие музыкальные вечера, благотворительные концерты.

В 1888 году Константин закончил Николаевский кадетский корпус, а два года спустя Николаевское кавалерийское училище. Мамантов считался дисциплинированным юнкером, но отличался порой резкостью, смелостью поступков. Он занимал должность взводного портупей-юнкера — небольшого, но все-таки командира.

Вчерашний юнкер стал корнетом Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка. «Мрачные» Конно-Гренадеры, как иронично называли их в гвардейской среде, не менее других полков отличались внутренней спайкой и корпоративностью, хотя и не кичились славой Кавалергардов или Конногвардейцев.

Среди товарищей по полку будущий генерал выделялся не только высоким ростом и незаурядной внешностью. Молодого корнета отличала и изысканность манер, и некая особая эlegantность в военной выправке и форме. Но сохранились присущие ему еще с училищных лет гордость, независимость суждений, большое самолюбие и вспыльчивость. Мамантов получил прочную репутацию человека, готового отстаивать свою честь и свои убеждения, несмотря ни на что. «Отчаянный бретер», — называли его однополчане.

Независимый, гордый офицер пользовался вниманием дам петербургского света. Роковой для его карьеры стала майская дуэль 1893 года. Суд чести Конно-Гренадерского полка постановил исключить Мамантова из своих рядов, правда, не без прямого давления со стороны командующего Гвардейским корпусом. Мамантов считал решение несправедливым, остро переживал исключение из списков полка и фактически из петербургского общества. Ведь теперь ему предстояло весьма неприятное превращение из блестящего корнета-Гвардейца в заурядного поручика 11-го драгунского Харьковского полка.

Может быть, это и объясняет тот факт, что в отличие от нагрудного знака Николаевского кавалерийского училища знак Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка Мамантов никогда не носил. В память о гвардии остались лишь пышные усы — полковая гордость Конно-Гренадер, отличавшие Мамантова, пожалуй, ото всех остальных генералов Белого Юга.

Армейский драгунский полк, в который волею судьбы попал вчерашний гвардеец, хотя и имел славную историю еще со времен Царя Алексея Михайловича (старшинство с 1651 года, со слободских казачьих полков), тем не менее не отличался серьезными карьерными перспективами. Однако Мамантов втянулся в службу и в 1896 году получил чин штаб-ротмистра. Но, видимо, и здесь вольный характер молодого офицера дал себя знать. 30 июня 1898 года он вышел в отставку с зачислением в запас по армейской кавалерии.

Можно было бы считать военную карьеру Мамантова законченной. Но, наверное благодаря неплохим родственным связям и знакомствам, в 1899 году «по особому ходатайству» его зачислили в «комплект Донских казачьих полков», и службу он продолжил в 3-м Донском казачьем Ермака Тимофеевича полку, дислоцированном в крупном губернском городе — Вильне. Тогда же он стал приписным казаком станицы Усть-Хоперской 1-го Донского округа.

Молодому подъесаулу (казачий чин, соответствующий чину штаб-ротмистра регулярной кавалерии, в этом чине Мамантова зачислили в запас) перевод

в казачьи полки казался просто «меньшим злом» по сравнению с полной отставкой. И вряд ли мог он предположить, что Дон станет теперь частью его биографии, его судьбы, всей последующей жизни. Не в пример регулярной кавалерии, где независимость Мамантова многих отталкивала, для казаков подобное поведение было обычным. Но... Мамантов никогда не вел себя с казаками, так сказать, «запанибрата». Он никогда не подделывался, не изменял себе, не старался специально «понравиться», умел «держаться дистанцию», во многом сохранив свои «гвардейские», «барские» привычки. Мамантов ценил равенство отношений, не переходя при этом пределов уставной дисциплины. Для казаков он оставался «своим». Ведь, наверное, главное, что роднило его с казаками, — это обостренное чувство свободы, воли, ради которой российское казачество поднималось на борьбу с поработителями.

Служба шла своим чередом, и новый XX век Мамантов встретил с повышением. 1 октября 1901 года он был произведен в чин есаула (ротмистра по рангам регулярной кавалерии). Но мирная жизнь в Вильне уже не устраивала Мамантова. Начинается война с Японией, и для Мамантова перевернулась новая страница биографии. Как и многие его товарищи по полку, он подал прошение о переводе в Маньчжурию, на фронт. Прошение удовлетворили, и Мамантов едет на Дальний Восток, где в составе 1-го Читинского полка Забайкальского Казачьего Войска проходит всю войну. Полк действовал в составе конной группы генерала Мищенко, известного своими смелыми рейдами по тылам японской армии. Очевидной становилась эффективность самостоятельных действий маневренных конных групп, впоследствии подтвержденная прославленным рейдом самого Мамантова. Примечательно, что другой знаменитый кавалерийский генерал — Петр Николаевич Врангель, воевавший в составе конной группы Ренненкампа, также участвовал в таких рейдах.

Молодой офицер получил первые боевые награды: ордена Святой Анны IV-й степени с надписью «За храбрость» — знаменитая «аннинская шашка», Святого Станислава III-й степени с мечами и бантом и II-й степени с мечами, Святой Анны III-й степени с мечами. 26 февраля 1908 года Мамантов был произведен в чин войскового старшины (подполковника — по регулярной кавалерии) и принял сотню в родном 3-м Донском казачьем полку.

После окончания войны многим офицерам — ее участникам открывалась возможность для продолжения карьеры, поступления в Императорскую Академию Генерального Штаба, ведь «военный стаж» давал определенные льготы. Однако Мамантов остался в родных для него казачьих полках, переведясь в 1-й Донской генералиссимуса князя Суворова полк. Это означало почти возвращение в Гвардию, ведь полк располагался в Первопрестольной столице — Москве. А должность помощника командира по строевой части, которую получил 40-летний войсковой старшина, многими считалась венцом карьеры. Возвращение в московский свет совпало с первым, правда весьма поздним, браком с баронессой фон Штемпель, оба брата которой командовали полками в 6-й кавалерийской дивизии. Вскоре родилась дочь Екатерина. Разнообразие в будни военной службы вносилось скачками и парфорсными охотами, занятиями шведской гимнастикой. Во время полковых праздников он никогда не пил водки, а лишь немного хорошего французского вина. Служба в Московском военном округе не была обременительной и позволяла Мамантову часто приезжать к своей матери в Санкт-Петербург, возвращаясь к жизни петербургского общества.

Очередной этап военной карьеры Мамантова был связан с началом войны с Германией. Ее он встретил командиром 19-го Донского казачьего полка (в составе 4-й Донской казачьей дивизии). Кавалерийские операции в годы Великой войны не отличались масштабностью, и казачьи части занимались по преимуществу разведкой и неглубокими рейдами по тылам противника. Не было заметных фронтовых успехов и у

полка Мамантова. В 1916 году он получил чин полковника и был назначен командиром 6-го Донского генерала Краснощекова полка.

Несмотря на поддержку со стороны родственников, дальнейшее продвижение в чинах было скромным. Войну Мамантов закончил в чине полковника. При всем своем честолюбии он никогда не стремился угождать, считая, что сам по себе факт удачной операции, выигранного сражения гарантирует карьерный рост. Если же его очевидные успехи не приносят ожидаемых повышений, то виноваты в этом или интриги, или пристрастность высших начальников.

События Февраля и Октября 1917 года Мамантов встретил на фронте. Отношение к ним было определенным – он видел развал Армии, развал русской государственности, развал фронта и тыла. Тем не менее 1917 год принес полковнику Мамантову очередное повышение – он стал командиром бригады в 6-й Донской казачьей дивизии.

Изменилась и семейная жизнь. В 1915 году он провел в Новочеркасске свое последнее лето вместе с семьей. Вскоре его жена умерла, оставив восьмилетнюю дочь. Новой женой Константина Константиновича стала Екатерина Васильевна Сысоева, дочь известного московского биржевика Василия Никаноровича Сысоева. В 1916 году она развелась со своим мужем, однополчанином Мамантова по 1-му Донскому полку, сотником М. В. Кононовым. От первого брака у нее осталась дочь Валентина. И хотя совместной жизни Мамантовых не суждено было быть долгой, Екатерина Васильевна до последних дней осталась верна памяти о покойном муже.

После Октябрьского переворота Мамантов окончательно решил связать свою судьбу с Тихим Доном. Прошлая светская жизнь Москвы и Санкт-Петербурга ушла безвозвратно. Родовые имения были разграблены, имущество национализировано. Не признавший власти большевиков Дон многим казался тогда единственным стержнем, вокруг которого могло сложиться антибольшевицкое сопротивление.

После развала фронта донские казачьи полки походным порядком возвращались домой, в свои родные станицы и хутора. Вернулась на Дон, ведомая своим командиром, и казачья бригада Мамантова. Укомплектованная уроженцами 2-го Донского округа, она дошла до станицы Нижне-Чирской. Сюда же, в Новочеркасск, а затем и в станицу Нижне-Чирскую переехала из Москвы вместе с двумя дочерьми (родной и приемной) и Екатерина Васильевна.

В последние месяцы переломного для России 1917 года на Дону царила политическая неразбериха. Большинство казаков настаивало на сохранении политической независимости края, собственных органов государственного управления и армии. Однако казачьи части, возвращавшиеся с фронта, хотя и приходили домой с оружием и знаменами, не собирались продолжать войну хотя бы и под лозунгами «спасения Отечества от большевицкого ига». Как писал в своих воспоминаниях Председатель Донского Войскового Круга В. А. Харламов, «фронтовое казачество, распропагандированное углубителями революции, приходя домой, не могло сразу найти общего языка со “стариками”. Оно воевало, а эти жили дома и богатели. Молодые казаки не могли представить себе, чтобы солдат-крестьянин, солдат-рабочий, с которыми они провели три года на фронте, вернувшись домой, стали их врагами... “Зачем нам бороться против большевиков? Они нас, рядовых казаков, не тронут; они будут распоряжаться промеж рабочих и крестьян, а мы у себя”, – вот обычное для того периода рассуждение казаков...»

Поэтому призывы немедленного «похода на Москву» не встречали отклика среди казачества. Гораздо более популярной стала идея образования так называемого «Юго-Восточного Союза», объединившего в своих границах на правах автономии Донское, Кубанское, Терское, Астраханское Казачьи Войска, а также горцев Кавказа.

В то же время многие и на Дону, и на Кубани, и на Тереке считали перспективным сотрудничество с большевиками. Особенно сильны пробольшевицкие симпатии были в Ростове и Таганроге (в Таганрогском округе преобладало шахтерское население и почти не проживало «коренных казаков»). Донской Атаман А. М. Каледин был вынужден в одиночку, на свой страх и риск, начать борьбу против надвигавшихся на Дон с севера красногвардейских эшелонов. Против ростовских большевиков и наступавших с севера красногвардейцев выступили первые отряды будущей Добровольческой Армии, донские добровольцы-«партизаны» и окрыленная идеей спасения России донская молодежь. Первая кровь «второй Русской Смуты» пролилась на Юге России.

Во 2-м Донском округе по инициативе Мамантова началось формирование партизанского отряда, имевшего в своем составе большое количество казаков-фронтовиков, однополчан Мамантова по 6-й дивизии. В то же время Нижне-Чирский окружной круг, опасаясь большевицких репрессий, категорически настаивал на выдворении мамантовского отряда за пределы округа. Изгнанные мамантовцы (около 100 бойцов) выступили к Новочеркасску в конце января 1918 года. Вместе с командиром ехала его семья. Жена, проделавшая с ним весь страдный путь Степного похода, как и ее муж, была награждена впоследствии знаком «За Степной поход».

Отряд подошел к казачьей столице слишком поздно. Большинство казачества не собиралось оборонять родной Дон от Красной Гвардии. Войсковой Круг, следуя тактике компромиссов, попытался заключить соглашение с представителями «иногогородних», так называемое «паритетное соглашение»

(в соответствии с ним портфели в Донском Правительстве распределялись пропорционально между представителями казаков и иногородних).

Согласно приказу нового Атамана генерала А. М. Назарова, который сменил застрелившегося Каледина, Мамантов со своим отрядом, не задерживаясь в Новочеркасске, должен был выдвинуться в район станций Персиановка – Казачьи Лагерь. 11 февраля он стал командующим войсками Северного фронта, сменив на этом посту генерала Абрамова. Однако выступить навстречу красной группе Ю. В. Саблина Мамантову не пришлось. Днем 12 февраля объединенные партизанские отряды под командованием Походного Атамана генерала П. Х. Попова покинули Новочеркасск и выступили в станицу Старочеркасскую – древнюю столицу казачества.

Начался легендарный Степной поход, сравнимый с Ледяным (Первым Кубанским) походом Добровольческой Армии. Полторы тысячи донских казаков, юнкеров, кадет, гимназистов и студентов стали основой, на которой спустя несколько месяцев выросла мощь новой Донской Армии. Как говорилось в выступлениях на Большом Войсковом Круге в феврале 1919 года, «партизаны стали “допингом” для казачьего повстанческого движения, и существование партизанских отрядов стало лучшим моральным стимулом для колеблющихся».

Началу Степного похода предшествовали разногласия между командованием Добровольческой Армии и казаками. Спорили о том, надо ли идти зимовать в Сальские степи, в Задонье, не пытаясь оказывать сопротивление большевикам, и ждать вероятного общеказачьего восстания весной (позиция генерала Попова), или идти на Кубань на соединение с кубанскими казаками в расчете на их поддержку. Во втором случае очевидной становилась перспектива подчинения Добровольческому командованию. В результате казачьи лидеры выбрали вариант самостоятельного похода в донские зимовники.

Сам же Мамантов, напротив, фактически в одиночестве заявлял о необходимости поворота на Кубань и совместных действий с Добровольцами. Он никогда не принадлежал к «донским сепаратистам». Зная об этом, председатель Союза Донских дворян А. П. Леонов предложил ему взять командование партизанами на себя и сместить генерала Попова. Не давая втянуть себя в интриги, Мамантов категорически отказался принять данное предложение, доложив обо всем Походному Атаману. В этом эпизоде проявилась еще одна черта характера Мамантова – прямота души и честность, неприязнь к интригам.

Бывший Гвардеец и в походе не изменял привычкам. Всегда гладко выбритый, одетый в чистый и исправный мундир, он выделялся среди остальных станичников.

На хуторе Арпачине партизанские отряды были сведены в «Отряд Вольных Донских Казаков». Из шестнадцати отрядов образовали шесть, две дружины, инженерную сотню и две артиллерийские батареи. Отряд Мамантова состоял из двух пеших сотен при четырех пулеметах (205 человек). Помощником Мамантова стал полковник Шабанов, командовавший отрядом в тех случаях, когда Мамантов принимал на себя руководство группой отрядов. Все отряды различались по особым значкам. Мамантовский отряд имел белый с золотой оторочкой флажок, с одной стороны которого был вышит золотой шестиконечный крест, а с другой – золотые буквы «О. М.» («Отряд Мамантова»). Многие считали, что теперь отряд несет на себе особое Господне Благословение. Этот же значок сопровождал мамантовцев и во всех будущих походах.

Вскоре начались и первые боевые испытания. Совершенно неправомерно мнение о том, что партизаны-«степняки» во время похода не имели серьезных столкновений с красными отрядами и только ждали, как медведи в берлоге, прихода весны, чтобы вернуться к своим станицам. Бои шли постоянно, и хотя по своему напряжению они уступали боям Ледяного похода, их значение было не меньшим. Значительные трудности выпали и отряду Мамантова. Теперь полковнику приходилось командовать не только собственным отрядом, но и объединенными силами партизан. В суровых степных боях укреплялось боевое содружество казаков, рос авторитет их командиров. Для Донской Армии знак «За Степной поход», учрежденный год спустя, имел не меньшее значение, чем знак «За Ледяной поход» в Армии Добровольческой. А награжденные становились своего рода боевой «элитой» Донского казачества.

Начало похода прошло в столкновениях с местными красными отрядами. Уже 20 февраля по просьбе калмыков Платовской станицы (родины С. М. Буденного) для борьбы с крестьянами-красногвардейцами генерал Попов выделил особый сводный отряд, командиром которого стал полковник Мамантов. Поздним вечером 21 февраля 1918 года отряд Мамантова разбил красногвардейцев Думенко и Буденного. Таким стал для Мамантова первый бой Гражданской войны, последней и самой яркой войны в его жизни, и его первое столкновение с будущим советским маршалом. Успех Мамантова позволил приступить к формированию отдельных сотен из калмыков. 26 февраля отряд Мамантова из Платовской перешел в освобожденную без боя станицу Великокняжескую. После выступления Мамантова на станичном сходе его отряд пополнился 200 учениками местного реального училища. Примечательно, что уже с начала похода Мамантову, как наиболее опытному командиру, доверяли командование крупными кавалерийскими и пехотными соединениями.

С началом весны бои в Задонье развернулись с новой силой. Против Мамантова были собраны отряды местных красных казаков общей численностью 3 000 штыков и сабель. 12 марта начались бои, за два дня которых сводный отряд Мамантова (в него вошли почти все наличные силы партизан-степняков) несколько раз предпринимал упорные контратаки, пытаясь разъединить противостоявшие им силы красных. В результате белые не только отстояли занимаемые хутора и зимовники, но и отбросили противника. А уже 16–17 марта партизаны овладели зимовником Трубниково на стыке с Астраханской и Ставропольской губерниями. 26–28 марта мамантовцы прикрывали отход генерала Попова от станицы Бурульской.

В это время были получены первые известия о начинающемся восстании казаков 2-го Донского округа, занятии станицы Нижне-Чирской и об избрании окружным атаманом полковника Растегаева. В обращении повстанцев к Атаману Попову говорилось: «Сознание необходимости освобождения от советской власти вполне созрело в станицах, но нет оружия, нет ядра, около которого казаки организовались бы. Нужна неотложная помощь как в моральном, так и в материальном отношении».

Донское казачество в марте 1918 года, испытав на себе все «блага» Советской власти, подняло восстание. Первенство принадлежало Нижнему Дону. Началось стихийное формирование дружин самообороны. Теперь на помощь восставшим из Задонья двинулись партизаны-степняки. В течение апреля шли упорные бои за Ростов и Новочеркасск. Наконец, 25 апреля Новочеркасск был освобожден, а через несколько дней казачьи и офицерские отряды вступили в Ростов.

У
У
Степные партизаны стали тем самым «ядром», вокруг которого организовались новые соединения. Степной поход закончился, и 4 апреля полковник Мамантов вместе со своим отрядом, конным отрядом полковника Карагальского, офицерским отрядом войскового старшины Гнилорыбова и всего лишь одним орудием выступил в свой 2-й Донской округ на подмогу восставшей станице Нижне-Чирской.

* * *

У
Появление Мамантова во 2-м Донском округе способствовало росту антибольшевицких настроений. Вот как писали об этом: «Мамантов был природным вождем. Таковым его считали те, кого он водил в бой, кем управлял. Поэтому, когда настали дни пробуждения и Суворовская станица (первой в округе. – В. Ц.) подняла знамя восстания, казаки вспомнили “своего” Мамантова и послали к Походному Атаману просьбу назначить им Мамантова командующим. Мамантов понял казаков, а казаки признали в нем “своего”. Мамантов, прибыв в Нижне-Чирскую станицу, кликнул клич “Казаки, на коня!” и повел борьбу на знакомом уже ему фронте».

У
В это время на Дону началось формирование новых органов власти, становление новой казачьей государственности. 29 апреля в Новочеркасске начал работу спешно созванный Круг Спасения Дона, который избрал Атаманом генерала П. Н. Краснова, вручил ему всю полноту военной и гражданской власти и утвердил предложенные Атаманом законы. Было решено призвать на службу шесть младших возрастов казаков (призыва 1912–1918 годов), в армии восстанавливались погоны и кокарды, на железных дорогах и заводах вводилось военное положение. Примечательна позиция Круга по отношению к иногородним: «всех лиц невойскового сословия, фактически участвующих в защите Дона от большевицких банд, теперь же принять в войсковое сословие»; им предоставлялось право на получение земельного пая.

У
Круг Спасения заявил о государственной самостоятельности Дона, а из законов, принятых после Февраля 1917 года, подлежали выполнению только те, которые «способствовали укреплению и процветанию Донского края». «Всколыхнулся, взволновался Православный Тихий Дон» – эти слова нового гимна выражали силу патриотического подъема казачества. Станичные отряды сводились в пешие и конные полки, а затем в дивизии и группы. Партизанские соединения составили основу Донской Армии, армии по-настоящему «народной».

У
В это время Мамантов продолжал освобождать территорию 2-го Донского округа. Численность восставших быстро росла, и уже к началу мая в его отряде насчитывалось около 10 000 бойцов. В одних рядах сражались и старики, и молодежь, и опытные фронтовики. Офицеров в полки назначали свои же станичники, бойцы хорошо знали друг друга. Параллельно с этим Мамантову приходилось решать и административные вопросы, созывать станичные сходы, выступать на заседаниях окружного круга. На Нижне-Чирскую по железной дороге от Луганска надвигались отошедшие с Украины под давлением немецких оккупационных сил части 3-й и 5-й Украинских советских армий. На своем пути эти отряды, состоявшие в большинстве из донецкой шахтерской бедноты и рабочих Екатеринослава, сжигали станицы, поголовно истребляли казачьи семьи, пытали и казнили захваченных в плен. Красные прорывались к Царицыну, надеясь закрепиться на Волге.

Белогвардейский плакат «Мои русские друзья»

После боев 15–19 мая части генерала Фицхелаурова выбили из станицы Морозовской сильный отряд Е. А. Щаденко (будущего политкомиссара 1-й Конной армии), который неожиданно оказался в тылу группы Мамантова. Казаки были зажаты между красными частями, наступавшими от Царицына, и щаденковцами. Начались жестокие бои, особенно сильные в период 20–26 мая. Мамантов, не скрываясь от пуль, лично ходил в атаку в пехотных цепях, был трижды ранен. Ценой напряжения всех сил белые, понесшие огромные потери от артиллерийского огня, отразили атаки противника, отбросив его в степи. Фронт переместился к станции Чир.

Благодаря этим ударам оказалась освобожденной большая часть 2-го Донского округа, казаки стали контролировать главную магистраль, по которой к Царицыну подходили отступающие с Украины красные войска. Освобождение «Тихого Дона» завершалось. В середине мая и начале июня восстал Хоперский округ, а казачьи части генералов Старикова и Секретева очистили от большевиков Усть-Медведицкий округ, объединив тем самым фронт с частями Мамантова.

Популярность Мамантова росла. В почетные казаки произвела его бывшая приписная станица Усть-Хоперская и новая – Нижне-Чирская. В журнале «Донская Волна» печатались его фотопортреты, а один из номеров был полностью посвящен боям мамантовской группы на Царицынском фронте. За успехи в освобождении Тихого Дона он получил чин генерал-майора. Везде подчеркивают не только его качества военачальника, но и личное обаяние, уверенность в себе, доверие к своим казакам. «Краса похода – Мамантов», – называют его в одном из стихотворений, посвященных Степному походу.

«Войска и в особенности войска нашего времени... таковы, что им нужно видеть впереди себя своего вождя, — писал современник. — Мамантов знает эту психологию своих войск и бывает всегда впереди, когда психологическое состояние войск того требует. Нельзя управлять теми, кого не любишь, тем более, кого презираешь, нельзя тогда сделаться их вождем. Мамантов любит казаков, любовь платится любовью и, как естественным результатом последней, доверием. Мамантову доверяют.

Любя казаков, Мамантов остается все же для них командующим, строго храня интересы целого, интересы всего войска, когда эти интересы встречают противодействие со стороны казаков. Он требователен и строг в этих случаях и строгость свою характером своих действий делает понятной казакам и справедливой в их глазах...»

К началу июля Мамантов пополнил свои полки за счет мобилизованных 2-го округа, перешел в контрнаступление и отбросил красных к Царицыну. 1 июля началось переформирование окружных отрядов в особые «войсковые группы». 4-й войсковой группе Мамантова поручалось нанести удар на одном из наиболее ответственных направлений — Царицынском. Захват этого крупного волжского города гарантировал Войско Донское от возможных ударов на Новочеркасск и Ростов и, в свою очередь, позволял контролировать Волжский речной путь.

В советской историографии оборона Царицына (аналогичная обороне Сталинграда в годы Второй мировой войны) занимала ведущее место. Ведь именно здесь «ярко проявился полководческий гений товарища Сталина», занимавшего должность Председателя Военного Совета Северо-Кавказского округа, здесь произошло «рождение славной красной конницы товарищей Буденного и Ворошилова». «Повезло» поэтому и тем, кто противостоял большевикам, на них как бы падал отраженный свет от официальных образов советских вождей. Фамилия Мамантова обросла настоящими легендами, поскольку «величайшим вождям» должны были противостоять не менее «величайшие» враги. Донские историки писали о сражении гораздо меньше.

К началу августа мамантовская группа являлась наиболее многочисленной и хорошо вооруженной из всех войсковых групп Донского фронта. Ее численность составляла 397 офицеров, 12 056 казаков, 28 орудий, 88 пулеметов. Ей были приданы бронепоезд, бронеавтомобиль и аэропланы. Во время Царицынской операции Мамантову пришлось выступить уже в роли командира крупных соединений, разработчиком крупных войсковых операций. И можно утверждать, что ему удалось выдержать этот непростой экзамен.

Первый удар на Царицын мамантовцы нанесли, преследуя отступающие красные отряды, без предварительной подготовки. Фронтовые сводки так описывали начало Царицынской операции: «С 21 июля ген[ерал] Мамантов со своей главной группой войск, чтобы не ставить себя в трудное положение обороняющегося перед превосходными силами красных, перешел в решительное наступление на Царицынском направлении и в результате десятидневного непрерывного кровопролитного боя на плечах красных прорвался через целый ряд их укрепленных позиций, пройдя вглубь их расположения на 45 верст. 31 июля войска ген[ерала] Мамантова, преследуя красные части, подошли к восточной границе области. Одновременно юго-восточная группа войск ген[ерала] Фицхелаурова, 26 июля разбив красных у ст[анции] Лог, преследовала их на пути к Царицыну, 30 июля подойдя уже к ст[анции] Качалино...»

Город обороняла группировка, насчитывавшая около 40 000 человек. Царицын был хорошо укреплен. Его штурм осложняли многочисленные овраги, ставшие естественными рубежами обороны. Согнанными на работы жителями города было сооружено три линии окопов с проволочными заграждениями. По круговой железной дороге (кольцевая ветка Гумрак – Воропоново – Сарепта) курсировало несколько бронеплощадок, оборону поддерживал огонь кораблей Волжской флотилии. Правда, защитники не отличались дисциплиной. Основу красных войск составляли многочисленные партизанские, «полубандитские», как называл их Предреввоенсовета Троцкий, отряды. Бывших офицеров, военспецов демонстративно презирали (будущий «отец народов» приказал отправлять «подозрительных» военспецов на баржу, выведя ее на середину Волги). И только огромное численное превосходство красных, их готовность защищать город от «кроважанных казачьих орд» позволяли удерживать фронт.

Донским командованием операция планировалась как обширный удар по флангам – на Великокняжескую, для соединения с Добровольческой Армией, и на Красный Яр – Камышин группой генерала Фицхелаурова, призванной обезопасить наступление на Царицын с северо-запада. Группа Мамантова двумя колоннами стремительно продвигалась из района Калача (занят казаками 18 июля) и Нижне-Чирской на Сарепту. В ночь на 21 июля части Мамантова переправились на левый берег Дона, захватили станцию Кривомузгинскую и двинулись к станции Воропоново, расположенной в 15 километрах от Царицына. Стремительной атакой единый красный фронт был рассечен. С ходу казаки прорвали несколько рубежей обороны. 5 августа захватили Сарепту, начали обстреливать Царицын артиллерийским огнем. Несколько дней (со 2 по 7 августа) продолжались ожесточенные бои, доходившие до рукопашных схваток. Вскоре сила казачьего натиска ослабла, и уже 8 августа красные перешли в контратаки. Стало очевидно, что взять с налета Царицын не удастся, и Мамантов отвел полки на исходные позиции за Дон.

Начало второго наступления специально санкционировалось Войсковым Кругом. Части провели перегруппировку, получили помощь оружием и обмундированием. Оправившись от первых неудач, казаки снова двинулись вперед. Мамантовская группа получила сильное и стойкое пополнение из частей Молодой Донской Армии. Как писал в своих воспоминаниях начальник Штаба Донской Армии генерал И. А. Поляков, «для поднятия настроения и дисциплины в расшатавшихся частях Царицынского фронта было решено двинуть на помощь Мамантову небольшую часть этой армии. 1 и 2 Пластунские полки, 2-я Донская казачья дивизия, две тяжелых батареи и саперный батальон были направлены к Царицыну, и доблести этой молодежи, с беззаветным мужеством отдавшей жизнь свою за Родину, главным образом и был обязан ген[ерал] Мамантов быстрым исправлением положения и своими громадными успехами».

Штабом Мамантова был разработан план атаки на город с юго-запада через железную дорогу Великокняжеская – Царицын, с выходом на Сарепту, и одновременный фланговый удар от Кривомузгинской на Воропоново и Царицын. Вспомогательный удар с северо-запада наносила группа генерала Фицхелаурова. На этот раз казакам Мамантова противостояла выросшая до 50 000 бойцов X-я армия К. Е. Ворошилова.

Новое наступление началось 9 сентября. Казаки перешли Дон, прорвав фронт у станции Ляпичево. Мамантов отвлекающим ударом захватил станцию Жутово и перерезал железную дорогу Великокняжеская – Царицын. Од-

*Генерал-лейтенант
К.К. Мамантов*

новременно на центральном направлении была занята станция Кривомузгинская. Казачьи полки на этот раз не только захватили Сарепту, но и переправились через Волгу, взяв город Капустин Яр на праздник Покрова Пресвятой Богородицы (1 октября).

Казалось, ничто не могло остановить этого натиска. Бойцы Молодой Армии смело шли навстречу врагу, захватывали орудия, пулеметы и бронепоезда. 2 октября казаки ворвались в пригороды Царицына, но с огромным трудом X-й армии удалось отбросить белых и на этот раз. Красными был организован мощный артиллерийский кулак из почти всех 180 орудий, и наступавших казаков встретила лавина огня. Внезапно в тыл казакам под Сарептой ударила «Стальная дивизия» Д. П. Жлобы, самовольно ушедшего с Кубани из-за конфликта с Главнокомандующим красными войсками Северного Кавказа И. Л. Сорокиным. 5 октября большевикам удалось отбросить казаков назад к Кривомузгинской, а несколькими днями позже к Гнилоаксайской. Как писал Атаман Краснов, «два раза казачьи части генерала Мамантова подходили к Царицыну, занимали уже Сарепту, и оба раза принуждены были отходить. Не было тяжелой артиллерии, чтобы парировать огонь Царицынских батарей, мало было сил, чтобы преодолеть и взять опутанную проволокой и весьма пересеченную оврагами Царицынскую позицию».

Мамантов снова в первых рядах своих полков. Он лично останавливает дезертиров, с револьвером в руках выгоняет из тыловых составов офицеров-отпускников. Для «поднятия духа» издавались приказы, в которых говорилось

о скорой расправе с непокорным городом, где домовитые казаки пополняют свое хозяйство. Мамантов заявлял о близкой помощи союзников, угрожал тем, кто не подчинится и будет оказывать сопротивление. Он всеми силами стремился к победе, которая помогла бы не только его карьере, но и закрепила бы, как тогда казалось, Белую власть на Тихом Дону.

На исходе второго наступления казачий фронт укрепился на линии станций Кривомузгинская – Гнилоаксайская. В это время существенно изменилось внешнее положение Дона. Ставка на немцев оказалась битой. В ноябре 1918 года в Германии произошла революция, Брестский мир был аннулирован, и немецкие войска спешно покинули Юг России. Теперь границы Донской Области со стороны Украины оказались открытыми для красных войск. Резко изменилось положение и на других участках Донского фронта. Наступление на Царицын становилось последней надеждой казачьего командования на победу. Теперь вместо помощи немцев ожидалась поддержка от англичан и французов, появившихся в Новороссийске. В Ростов и Новочеркасск приглашались союзные делегации во главе с начальником английской военной миссии на Кавказе генералом Пулем и французским капитаном Фуке.

29 декабря союзная делегация прибыла на Царицынский фронт. Пуль заверял всех в том, что в скором времени казакам будет оказана военная помощь. Приезд союзников на фронт имел для мамантовцев важное психологическое значение. Они ждали скорую поддержку накануне решительного наступления на Царицын, понимали, что нужно собрать все силы. Как писал Поляков, «взятие в то время Царицына, помимо больших материальных выгод... без сомнения отрезвляюще подействовало бы не только на малодушных казаков Северного фронта, но и подняло бы дух всего Донского казачества. Сверх того, успешное окончание операции здесь освобождало большое количество войск, каковые могли быть использованы для восстановления Северного фронта и помощи на других направлениях. Эти соображения побуждали Донское командование, несмотря на тяжелую обстановку и важные события на севере, проявить большую выдержку и ни в коем случае выделением отсюда частей не ослабить войск Царицынского фронта...»

Третье наступление должно было проводиться концентрированными ударами по сходящимся в Царицыне железным дорогам – Владикавказской и Юго-Восточной. Численность группы Мамантова впервые за счет мобилизаций удалось довести до 15 700 штыков и 16 200 сабель (против нее было 27 000 штыков и 7300 сабель). Были учтены неудачи первых двух попыток взятия города. Атаман Краснов писал: «Для усиления Царицынского фронта спешно укомплектовывались и вооружались 3-я Донская дивизия и 2-я стрелковая бригада Молодой Постоянной армии, выписаны были пушки из Севастополя, для которых в Ростове, в мастерских Владикавказской железной дороги, делали особые бронированные платформы».

На Дону шли поголовные мобилизации, благодаря которым удалось довести все полки и батальоны мамантовской группы до штатного состава (полк – 3 500 человек, батальон – 1000 штыков, конные сотни – по 140 пашек). Группа Мамантова получила аэропланы, в наступлении использовались захваченные у красных бронепоезда. Были созданы отдельные офицерские батальоны (новшество, заимствованное у Добровольческой Армии) по 60–80 человек. Высок был и дух наступавших казаков. Генерал Поляков отмечал, что «к чести казаков восточного фронта, большевицкая пропаганда успеха здесь не имела. Зараза, привитая большевиками казакам на северо-западе Области,

их не коснулась. Непрерывные успехи донцов на этом фронте, неудержимый наступательный их порыв, огромное количество пленных и трофеев и, наконец, полная растерянность противника, — давали основание Донскому командованию рассчитывать на скорое овладение Царицыном...» Сам Мамантов к этому времени получил от Атамана заслуженный чин генерал-лейтенанта.

19 декабря началось третье, последнее наступление на «Красный Верден». В течение двух недель кольцо окружения города замкнулось. 26 декабря у села Дубовый Овраг донская конница разбила противника, а в боях у Чапурников, Червленой, Сарепты, станций Воропоново и Гумрак красные были окончательно смяты и с громадными потерями отошли в Царицын. В Новогоднюю ночь 1919 года казаки генерала А. В. Голубинцева захватили Дубовку. В третий раз была захвачена Сарепта. Город обстреливала артиллерия, его регулярно бомбили аэропланы. Казаки по льду переправились на левый берег Волги. Начались бои уже в самом городе.

Но донские части выдыхались. Мамантов решил провести перегруппировку сил перед последним штурмом. Ждали помощи от Добровольческой Армии, завершившей к этому времени освобождение Северного Кавказа. Мамантов отдал приказ о скорой поддержке со стороны Добровольческого командования, призывая казаков продержаться для окончательной победы. Однако обещанные генералом А. И. Деникиным Кубанские пластунские бригады так и не успели подойти вовремя.

В это время луганского слесаря Ворошилова на посту командарма сменил бывший полковник А. И. Егоров. Но и он признавал, что красные войска находятся на грани катастрофы. В бой вводились последние резервы. Все решали часы, и глубокий рейд по тылам мамантовской группы Сводной кавалерийской дивизии С. М. Буденного спас красный фронт. Начались жестокие морозы. Мамантовцы, воюя в тяжелых условиях (по три дня в окопах, по три дня в резерве на хуторах), стали уставать.

Одновременно с этим началось стихийное отступление казаков на других участках фронта. Был прорван «Северный фронт» на Верхнем Дону. Станица Вешенская заключила договор о нейтралитете с наступавшими красными войсками, а вслед за ней о том же заявил и весь Верхне-Донской округ. Защищавшие его казаки стали расходиться по станицам. От 70-тысячной армии в одночасье осталось не более 15 тысяч. Вскоре почти вся территория Войска оказалась захваченной красными, и только ценой героических усилий Молодой Армии линия фронта в середине февраля 1919 года остановилась около Таганрога, Ростова и Новочеркасска.

Итак, Царицынское сражение окончилось. Донская Армия понесла тяжелые потери. Взять город так и не удалось, красные ликовали, Царицын стал очередной ступенькой к восхождению будущего «отца народов» на его пьедестал. А для Мамантова Царицын оказался неудачной страницей военной биографии, о которой позднее предпочитали не вспоминать. Многие считали, что Мамантов упустил победу, однако стоит помнить, что именно благодаря своевременному отступлению от Царицына генерал смог сохранить костяк своей группы. Мамантов был убежден, что испытанных бойцов необходимо беречь и, если придется выбирать между победой любой ценой и сохранением армии, лучше выбрать второе. Поэтому, пользуясь начавшейся оттепелью, Мамантов начал спешно отводить свои части к Манычу на Великокняжескую, на соединение с Добровольческой Армией.

Белогвардейский плакат «Что несет народу большевизм»

* * *

На Царицынском направлении началось контрнаступление красных войск. Лавина VIII-й, IX-й и X-й армий неудержимо катилась, захватывая на своем пути города и станицы. Мамантовскую группу прикрывали части генерала Толкушкина, пытавшегося остановить красных у станции Ляпичев, однако большая часть Донцов погибла в упорном бою.

1 февраля 1919 года Большой Войсковой Круг принял отставку Атамана П. Н. Краснова. Новым Атаманом Всевеликого Войска Донского стал генерал А. П. Богаевский — человек умеренный и, что было весьма важно в тех условиях, готовый тесно сотрудничать как с Войсковым Кругом, так и с командованием Добровольческой Армии. Последний Донской Атаман в России начала XX века сумел преодолеть краевой сепаратизм, убедить казачество в необходимости «похода на Москву» вместе с Добровольческой Армией. Накануне падения Донского фронта части Донармии вошли в оперативное подчинение генералу Деникину. 26 декабря 1918 года Деникиным было заявлено о создании Вооруженных Сил Юга России. В единый фронт объединялись теперь силы Добровольцев и казачества. В марте 1919 года части Мамантова соединились с частями Кавказской Добровольческой Армии генерала П. Н. Врангеля. Начиналась новая страница в биографии Константина Константиновича, связанная с его службой в рядах ВСЮР, страница славная, но и трагическая.

В течение марта Донцы укреплялись на линии Маныча. Но уже в начале апреля красные форсировали реку и начали наступление на станцию Торговую. Остатки мамантовской группы отошли к Батайску. Вот как описал свое свидание с Мамантовым Врангель: «...На следующий день (14 апреля 1919 года) по прибытии моем в Ростов я выезжал в Батайск для свидания с генералом Маман-

товым. Последний – высокий, статный, бравого вида генерал – в эту минуту казался совершенно подавленным. По его словам, казаки совсем “вышли из рук”, и у него не оставалось даже нескольких человек для посылки в разъезд. Он с несколькими офицерами пытался навести какой-нибудь порядок среди скопившихся в Батайске беглецов... В Ростове явился ко мне прибывший со своим штабом генерал Покровский, коему я подчинил части генерала Мамантова, приказав, не стесняясь мерами, привести их в порядок. Следом за головным эшелоном стали прибывать эшелоны кубанцев. Через два дня положение стало уже менее грозным. Кубанцы прикрыли Батайскую и Ольгинскую переправы и, выбросив на широком фронте разведку, дали возможность осветить обстановку. Расстреляв несколько дезертиров, генерал Покровский кое-как остановил и стал приводить в порядок деморализованные донские полки...»

Теперь вся тяжесть удара на Царицын ложилась на Врангеля. И уже в мае началось новое наступление на город, завершившееся его взятием 18 июня. Примечательно, что Врангель с самого начала считал Мамантова совершенно неспособным к руководству не то что крупными войсковыми соединениями, но даже и небольшими полками и отрядами. Позднее эта неприязнь перерастет в недоверие к казакам вообще и проявится в ноябре 1919 года, когда Врангелю придется принять на себя командование Добровольческой Армией.

Что касается мамантовских казаков, то большая их часть перешла в резерв. 12 мая 1919 года был отдан приказ о сведении всех Донских армейских групп в три отдельных корпуса, бывших корпусов – в дивизии, дивизий – в конные или пластунские бригады трехполкового состава. Одновременно запрещались любые самочинные формирования, что в общем было в то время характерно для ВСЮР в целом. Части мамантовской группы вошли в состав 1-го корпуса, самого лучшего и боеспособного (позднее он же стал основой для формирования 4-го Донского корпуса).

Вскоре началось и восстановление Донского фронта. В мае произошло восстание казаков в станице Вешенской Верхне-Донского округа. Как бы в оправдание своего «малодушия» в феврале, Верхне-Донцы стали зачинщиками восстания, которое фактически разрушило расчеты красного командования на возможность удержания фронта по Дону. Конница генерала Секретева 12 мая форсировала Северский Донец южнее станицы Калитвенской и 25 мая соединилась с Верхне-Донцами у станицы Казанской. А 18 мая конные части Мамантова и пластуны полковника Сутулова форсировали Дон и при поддержке подошедшей от Ростова флотилии овладели станицей Константиновской. С этого момента мамантовская конница 1-го корпуса начала свой рейд, первый в 1919 году. Пройдя в четыре дня с тяжелыми боями более двухсот верст, корпус 25 мая освободил станицу Нижне-Чирскую. Снова столица 2-го Донского округа встречала войска своего генерала. Корпус быстро пополнялся добровольцами.

После этого конница продолжила рейд на Усть-Медведицкую – Арчаду – Раздорскую, где соединилась с восставшими казаками и, выделив часть сил на Красный Яр, двинулась к Царицыну с севера, на Дубовку. Против Мамантова были выдвинуты части 6-й и 4-й кавалерийских дивизий корпуса Буденного. И хотя мамантовцы были вынуждены отступить, красные оттянули силы с Царицынского фронта. После падения Царицына казаки нанесли сильный удар по отходящим частям X-й армии: в окружение попали полки советских 32-й и 39-й стрелковых дивизий, а другие красные части отступили к Камышину.

Таким образом, за время чуть больше месяца вся Донская Область снова, как и весной 1918 года, оказалась освобожденной от большевиков. Было захвачено значительное количество трофеев (из общего числа 15 тысяч пленных, 150 орудий, более 350 пулеметов, 8 бронепоездов, взятых Донской Армией весной 1919 года, на долю конницы Мамантова приходилось около 5 тысяч пленных, 40 орудий, 107 пулеметов и 5 бронепоездов). Через два дня после взятия Царицына, 20 июня, генералом Деникиным была утверждена директива о «походе на Москву». Донская Армия должна была продвигаться на запад, на линию Тамбов – Елец.

Успех Царицынской операции позволил Донскому командованию перенести основные силы на овладение железнодорожным узлом Поворино – Лиски. Основная тяжесть боев легла на 2-й и 3-й корпуса. После рейда на Дубовку мамантовская конница была переброшена с Царицынского фронта в район Урюпинская – Добринская. Официальными распоряжениями корпус якобы выводился на отдых, что не должно было вызвать подозрений красной разведки. Коннице предписывалось в течение десяти дней укомплектоваться и подготовиться к новым боям. Дивизии должны были сосредоточиться в районе Урюпинская – Новохоперск и нанести фланговые удары в помощь 2-му Донскому корпусу, наступавшему в это время на узловую станцию Лиски.

Но реорганизация затянулась почти на месяц. Дело в том, что Донское командование решило отказаться от идеи частных ударов по ближним тылам противника, убедившись в необходимости нанесения мощного удара в глубокий тыл красных. Трудно сказать, что побуждало именно к такому решению, но, по видимому, и командуящий Донской Армией генерал В. И. Сидорин, и его Штаб сочли возможным провести подобный рейд независимо от расчетов Штаба Главнокомандующего ВСЮР. Здесь имел место типичный для Гражданской войны пример несогласованности при проведении конкретных боевых операций.

28 июня вышел особый приказ о формировании нового, 4-го конного корпуса. В него должны были войти отборные подразделения из различных казачьих частей. Полки и дивизии нового корпуса хорошо отдохнули после тяжелых боев. Части полностью укомплектовали, вооружили, казаки получили новое обмундирование, был специально подобран конский состав – Войсковое Управление коннозаводства предоставило корпусу лучших лошадей. Но не менее важной являлась моральная сторона дела. Корпус сложился как одно целое, казаков и их командиров отличала большая спайка.

Начальником Штаба корпуса стал известный своей работой на Царицынском фронте и в организации прорыва к Верхне-Донцам молодой, талантливый генштабист полковник Калиновский (после рейда произведенный в генерал-майоры), занимавший до этого должность начальника Оперативного отделения Штаба Донской Армии. Дивизиями и бригадами командовали соратники Мамантова по Степному походу и Царицыну генералы Толкушкин, А. С. Секретев, А. П. Попов, Н. П. Калинин. Благодаря начальнику контрразведывательного отдела полковнику И. М. Родионову удавалось вносить дезинформацию среди красных, образцово проводить оперативную и стратегическую разведку. Части корпуса были «полного состава», при корпусе имелось 3 бронеавтомобиля. Общая численность войск достигала 9000 пашек при 20 орудиях. Для ведения разведки корпусу придали самолет «Сопвич» (пилот – штабс-капитан Витте, летчик-наблюдатель – прапорщик Баринов).

4-й Донской корпус должен был бы стать стержнем антибольшевицкого сопротивления в Центральной России. Генералу Мамантову и его Штабу пре-

доставлялась вся полнота гражданской власти, давались «полные права для разрешения всех могущих возникнуть вопросов боевого, хозяйственного и административного характера».

3 июля генералу Мамантову была поставлена задача: «Прорвать фронт противника между Борисоглебском и Бобровым и, разрушив тылы красных, способствовать быстрейшему продвижению Донской армии в ее полосе, имея конечной целью овладение Москвою». Тем самым Донское командование четко перевело значение рейда в разряд не тактической, а стратегической операции, последствия которой могли бы стать решающими для всего фронта ВСЮР. При составлении плана рейда предполагалось придать Мамантову еще и 2-й Донской корпус генерала П. И. Коновалова и конную дивизию полковника А. В. Голубинцева, однако до конца выполнить задуманного не удалось, так как дивизию Голубинцева направили на прикрытие стыка Донской и Кавказской Армий.

В это же время красные готовили контрнаступление на правом фланге Добровольческой Армии. Командующий Южным фронтом А. И. Егоров намеревался нанести удар из района Волчанска силами ударной группы бывшего генерала В. И. Селивачева по линии Купянск – Волчанск с непосредственной угрозой выхода к Харькову. Потрепанные под Царицыном IX-я и X-я армии, получив подкрепления, готовились начать наступление по всей линии Донского фронта между Волгой и Хопром. В случае успеха красных под угрозу срыва ставился весь запланированный «поход на Москву». Именно поэтому рейд Мамантова должен был отвлечь на себя большую часть сил советского Южного фронта.

Штаб корпуса тщательно скрывал свои намерения, и рейд явился полной неожиданностью для советского командования. 20 июля, в последние дни перед началом рейда, в распоряжение корпуса прибыл генерал Сидорин и прочитал указ Верховного Правителя России адмирала Колчака о назначении генерала Деникина Главнокомандующим всеми Вооруженными Силами Юга России, а генерал Мамантов поздравил казаков с началом похода на Москву.

* * *

Сосредоточение частей завершилось, и на рассвете 22 июля знаменитый рейд начался. Вся тяжесть удара пришлась на стык советских VIII-й и IX-й армий. Свежие Донские дивизии обрушились на противостоящие им красные полки и в течение 22–27 июля пробили себе дорогу к ним в тыл. Днем и ночью шли проливные дожди, конница с трудом продвигалась по размытому чернозему. Броневики, бывшие при корпусе, буксовали в размытых колеях, и их в конце концов пришлось отправить обратно. Но фронт был разорван. 28 июля красные с большими потерями отошли за реку Елань. В образовавшийся прорыв шириною около 20 верст двинулись части Мамантова, и к вечеру 29 июля передовые разъезды появились на железной дороге Борисоглебск – Грязи.

В это же время Мамантов принял окончательное решение идти в самостоятельный рейд по красным тылам. Позднее это станет причиной обвинений в том, что генерал нарушил предписанные ему директивы. Дело в том, что планы удара дважды уточнялись генералом Сидориным. В первой директиве (от 12 июля) корпус должен был: прорвать фронт большевиков в промежутке между Новохоперском и Таловой; оказать содействие 3-му Донскому корпусу в ликвидации Таловой группы противника; наконец, направиться в глубокий тыл и овладеть городом Козловым, где помещался красный Штаб Южного

фронта, — то есть говорилось о глубоком выдвигении на линию Тамбов — Козлов — Елец (что, собственно говоря, и было сделано в ходе рейда). Но за два дня до начала операции от Сидорина поступил еще один приказ, который сужал задачу корпуса до размеров частного удара по ближайшим тылам VIII-й армии в поддержку 3-го Донского корпуса, стремившегося захватить Лискинский железнодорожный узел (тем самым Мамантова возвращали к самой первой директиве о фланговом рейде на Таловую — Бобров).

Этого приказа Мамантов не исполнил, сославшись на то, что дожди размыли дороги и он вынужден повернуть не на запад к Лискам, а на линию Грязи — Борисоглебск. Это звучало весьма неубедительно, но было вполне в духе Мамантова как офицера законопослушного, но в то же время убежденного в возможности свободы выбора в проведении боевых операций. Можно предположить, что Мамантов действовал и с молчаливого согласия Штаба Донской Армии (возможно, что генерал Сидорин отдал вторую директиву под давлением Штаба Главнокомандующего и намеренно затягивал доведение ее до сведения Мамантова), ведь частный успех на лискинском направлении не мог бы сравниться с предполагаемыми последствиями рейда по глубоким тылам.

Итак, «жребий был брошен» и «Рубикон (в виде реки Елани) перейден». Начался самый знаменитый рейд в истории Гражданской войны в России, рейд, который по праву можно было бы сравнить со знаменитыми рейдами конницы генералов Стюарта и Шермана времен гражданской войны в США. Внезапное появление огромного конного корпуса в красном тылу вызвало панику. Связь между штабами оказалась нарушенной, директивы командного состава не выполнялись. Без боя был сдан Борисоглебск. Здесь корпус задержался, ожидая подхода интендантских частей, но, как часто бывает в таких случаях, обозы так и не подошли, что отчасти объясняет своеобразное «самоснабжение» казаков. Высылавшиеся навстречу небольшие красные отряды рассеивались, сдавались в плен. Троцкий мог противопоставить корпусу только разбрасываемые с аэропланов истерические воззвания: «Белогвардейская конница прорвалась в тыл нашим войскам и несет с собою расстройство, испуг и опустошение в пределы Тамбовской губернии. Задача ясна и проста: крепкой облавой окружить деникинскую конницу, которая оторвалась от своей базы... При приближении казаков крестьяне должны угонять своевременно телеги, увозить хлеб и всякую снедь... Рабочие и крестьяне, выходите на облаву. Кавалерия Мамантова еще не раздавлена... Не допускать их на юг, в тыл нашим войскам... Отрезать им путь на запад и на восток... Истреблять их на месте, уничтожить, как бешеных собак. Замыкайте круг, рабочие и крестьяне. Выводите народ на облаву, товарищи коммунисты... Ату белых! Смерть живорезам!» Правда, иногда гнев менялся на «милость», и казакам предлагалось сдаться: «Вы в стальном кольце. Вас ждет бесславная гибель. Но в последнюю минуту рабоче-крестьянское правительство готово протянуть вам руку примирения...» Все эти призывы имели в тех условиях «ценность» не большую, чем бумага, на которой они были напечатаны.

Связь корпуса со Штабом Донской Армии практически прервалась и эпизодически поддерживалась лишь с помощью аэропланов. Приходилось ориентироваться на слухи и опросы пленных. Выяснилось, в частности, что дорога на Тамбов открыта и казаков там ждут, и уже утром 5 августа мамантовцы с налета взяли город. Местный гарнизон сдался, а окрестным крестьянам выдали винтовки с захваченных складов. Тамбов встречал казаков цветами, трехцветными национальными флагами, чудом сохранившимися при большевиках (за

их хранение расстреливали). Рабочие вагоноремонтных мастерских встретили Мамантова хлебом-солью. Вечером в городском театре был дан концерт. Горожане ждали выступления командира корпуса, надеялись, что вернулись долгожданные прежние времена, когда уже не будет страха перед ЧК, пайкового голода, бесконечных «экспроприаций награбленного» и прочих прелестей «коммунистического рая». Выступая перед концертом, Мамантов старался объяснить, что взятие города само по себе еще не означает полного освобождения от Советской власти, что для этого необходима поддержка, инициатива самих горожан, призывал к созданию добровольческих дружин. То же самое он говорил в городском рабочем клубе, перед рабочими железнодорожного депо, вагоноремонтных и артиллерийских мастерских. Тамбовские рабочие стали записываться в дружину для охраны «общественного порядка» в городе. Но вскоре казаки покинули город, и все те, кто несколько дней назад радостно встречал освободителей, были отправлены в кровавые подвалы тамбовской ЧК.

Здесь же из остатков красного гарнизона, перешедшего на сторону Мамантова, была сформирована так называемая Тульская дивизия, ушедшая затем в рейд с казаками. Она стала одной из немногих воинских частей ВСЮР, полностью сформированных из бывших пленных красноармейцев.

После занятия Тамбова передовые разъезды казаков пошли на Козлов, где размещался Штаб Южного фронта. На город направилась 9-я казачья дивизия генерала Секретева. Красный штаб бежал, бросив все имущество, был захвачен поезд самого Троцкого. 7 августа на станции Пушкири была уничтожена артиллерийская база из 200 тысяч трехдюймовых снарядов. 13 августа казачьи полки подошли к Богоявленску, а вечером 14-го отряд из трех сотен казаков подошел к городу Ранненбургу Рязанской губернии. Это была крайняя точка продвижения корпуса на север, хотя встречались сведения о появлении мамантовцев чуть ли не под самой Рязанью. Пробыв в Ранненбурге всего два часа, казаки взорвали мост через реку Воронеж и двинулись на город Лебедянь. 15 августа город был взят без боя, запасный батальон и Ревком разбежались, когда казаки находились еще в 18 верстах от города. Корпус шел с максимально возможной скоростью – до 80 верст в сутки, нередко казаки даже не спешили на ночь.

12-я дивизия, составлявшая правую колонну корпуса, в ночь на 19 августа расположилась в селах в районе станции Боборыкино, на железной дороге Ефремов – Елец. Две другие дивизии от Лебедяни повернули на Елец. 19 августа Мамантов занял город, гарнизон которого встретил казаков с музыкой. Занятие города произошло так быстро, что большинство советских учреждений не успели эвакуироваться и были захвачены. Все объекты, имевшие военное значение, уничтожались.

Мамантов всячески стремился подчеркнуть освободительную миссию рейда. Жителям раздавалось продовольствие, обмундирование, мануфактура с захваченных складов. В одном только Ельце жителям выдали по полтора пуда сахара на семью, а каждый работавший по взрыву снарядного склада получил в виде платы по 30 аршин мануфактуры. Примечательно, что огромные склады спирта Мамантов приказал уничтожить. Параллельно с этим объявлялась запись добровольцев в ряды местной самообороны и Тульской дивизии, выросшей до 3000 штыков. Формировался и Елецкий пеший полк.

Простояв до утра 22 августа в районе Ельца, корпус повернул тремя колоннами на юг, в общем направлении на Воронеж. В это же время были получены прямые указания из Штаба Главнокомандующего ВСЮР о немедлен-

Во время похода на Москву. Население встречает белых, 1919 год

ном возвращении назад. Дважды Мамантов принимал приказы Ставки, причем первый раз он готов был расстрелять летчика, доставившего ему распоряжение о повороте на Донской фронт. Первого приказа он не исполнил. Лишь после вторичного распоряжения, где указывалось, что в случае неповиновения все офицеры корпуса вместе с его командиром будут преданы военно-полевому суду, Мамантов собрал военный совет (интересно, что аналогичный совет собрал генерал Кутепов, решая вопрос о продолжении «похода на Москву»), который принял решение о повороте на юг, подчинившись приказу Деникина.

Средняя колонна выступила из Ельца на Задонск и к утру 23 августа заняла город. Левая колонна взяла направление на юго-восток, и 23 августа передовые сотни появились у села Боранский Завод (20 верст южнее Липецка) и у села Кривки (30 верст южнее Липецка) и взорвали железнодорожные линии Воронеж – Грязи и Грязи – Липецк.

После этого темп рейда сократился. За корпусом двигался обоз длиной около 30 верст. На десятки верст растянулись полки и бригады. 24 августа в полдень части правой колонны заняли станцию Касторная, а один полк при поддержке захваченного у красных броневика двинулся на Воронеж. Левая колонна в тот же день заняла Грязи. За овладение Касторной произошел уже серьезный бой, длившийся почти сутки. Против казачьего отряда из шести сотен, двух рот пехоты и восьми орудий действовал отряд Козицкого из трех полков коммунаров. Красные, очистив Касторную, отошли на запад. В это время части красной казачьей конницы Ф. К. Миронова, по сведениям ВЧК, собирались перейти на сторону Мамантова, а Буденный, нарушая директивы коман-

*Сабля, которой был награжден
К.К. Мамантов за рейды по красным
тылам, 1919 год*

дующего Южным фронтом Егорова, самовольно бросил фронт и пошел со своим корпусом по пятам белых, надеясь захватить в плен самого «Маманта».

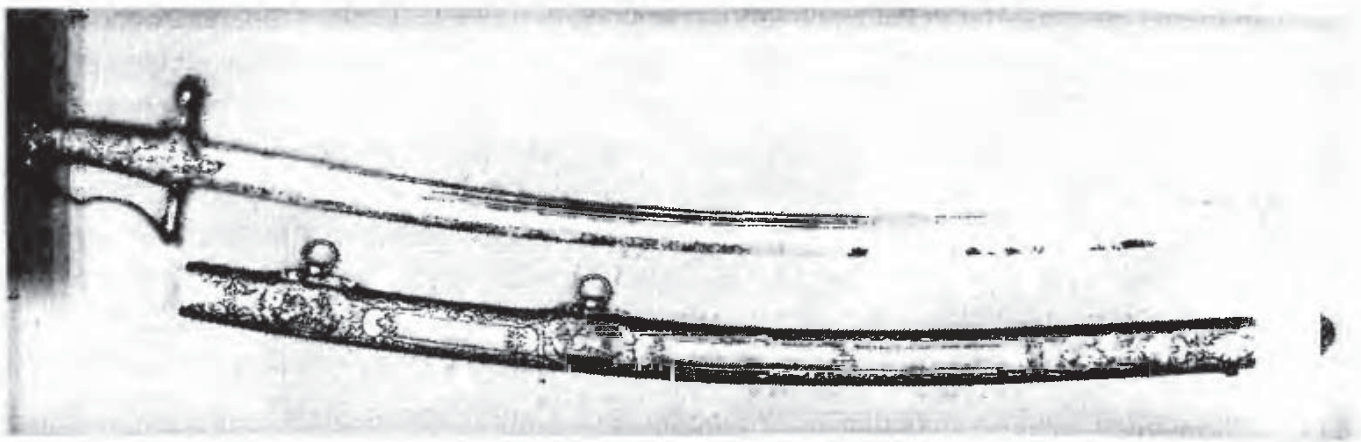
24 и 25 августа части Мамантова продолжали движение на Воронеж. 26 августа в 16 часов был занят город Усмань на железной дороге Грязи – Борисоглебск. Сосредоточенные силы корпуса собрались овладеть Воронежем. 28–30 августа шли жестокие бои за город. На предложение сдаться гарнизон Воронежа ответил отказом. 30 августа казаки все-таки ворвались в город, но смогли удержаться в нем только сутки.

Под Воронежем красные попытались окружить корпус. Была поставлена задача не допустить прорыва казачьей конницы через фронт. Чтобы прорваться сквозь кольцо, Мамантов произвел демонстративные атаки в обе стороны от общей линии движения корпуса. Одновременно с этим конные части 3-го конного корпуса генерала А. Г. Шкуро надали на советский фронт в районе Старого Оскола. Образовался прорыв шириной в 25 верст, через который 5 сентября казаки перешли Дон, а 6 сентября мамантовцы соединились с корпусом Шкуро.

Так закончился 40-дневный рейд казачьей конницы, двухтысячеверстный рейд, обессмертивший 4-й Донской корпус и его командира.

Во время рейда Мамантов постоянно был среди казаков. Вместе с генералами Толкушкиным и Секретевым выезжал на разведку, лично допрашивал пленных, постоянно выступал перед горожанами и крестьянами, призывая их к сопротивлению большевикам. Во время прорыва фронта под Лисками близко разорвавшимся снарядом ранило его лошадь, при падении у генерала треснула кость ноги, но он, несмотря на высокую температуру, находился среди своих казаков, ехал в фаэтоне, подаренном жителями Тамбова, был вторично контужен под Коротояком. Советские же беллетристы и историки оценили «генеральский фаэтон» как привычку к «барству дикому».

Мамантов, сознательно подчеркивая свою близость к «народу», демонстративно раздавал захваченные «керенки» и советские «пятаковки»⁵². Издавал приказы о походе на Москву. Из Козлова была отправлена телеграмма в Штаб Армии, тут же опубликованная в «Донских Ведомостях» – «Дела наши блестящи. Пленных забираем тысячами. Рассеяны все резервы красной армии. Ведем бои без потерь. Все здоровы, бодры и неудержимо рвутся в Моск-

ву, скорей сокрушить комиссарское царство. Да здравствует Тихий Дон!» Но многие современники отмечали и его потакание грабегам, реквизициям, без которых, по его мнению, у казаков не было бы стимула к боям.

В «Донских Ведомостях» П. Казмичев писал: «...Есть люди, делающие бурю. Они не выносят покоя. В них заложены огромные силы, ищущие выхода в неустанном напряжении, в непрерывной борьбе и вечном кипении. Если не дать выхода этим силам, они пожирают человека. Одни спиваются, другие кончают жизнь самоубийством, третьи делают бурю. Таким человеком, делающим бурю, является Мамантов. Расспросите о нем тех, кто окружал его в жизни раньше. О нем скажут: «Беспокойный Мамантов! Неуживчивый Мамантов. Дольше месяца не служил на одном месте. Менял службу. Менял полки. Много хлопот доставлял начальству. Много тревог своим близким. Зря ставил на карту свою жизнь и чужую. Играл смертью своей и чужой... И вдруг – бессмертный... Апофеоз казачества!»»

Основные задачи рейда были выполнены. В нескольких местах были разрушены железные дороги, телеграфные и телефонные коммуникации в тылу Южного фронта, перерезаны стратегически важные линии Ранненбург – Елец, Грязи – Елец – Ефремов, разгромлены, распущены по домам десятки частей Красной Армии. В оперативном отчете Штаба Донской Армии отмечалось, что «политическая сторона задачи также исполнена разумно и в полной мере: население вооружено и подготовлено к восстанию».

Была ли у Мамантова возможность занять Москву? Казачьи историки писали о том, что командование ВСЮР, опасаясь захвата Москвы Мамантовым и не желая уступить ему эту честь, приказало прекратить рейд. Правда, сама обстановка на фронте складывалась таким образом, что углубляться далее силами только одного конного корпуса, без надежды на поддержку и общее продвижение Белых армий, было крайне рискованным делом, по сути, авантюрой.

Но были и другие расчеты. Так, например, согласно информации ВЧК, антибольшевицкие подпольные организации в Москве пытались установить контакт с разведкой корпуса, рассчитывая в случае его приближения поднять восстание в столице. По словам командира 8-й Донской бригады генерала Н. М. Кучерова, «если бы корпус подошел к Москве, то безусловно мы ее взяли бы и заняли... Может быть, мы там бы и погибли... А может быть, при переходе пехоты (в большом количестве) на нашу сторону, мы бы имели громадный успех...» Аналогичного мнения придерживался начальник Оперативного отделения Штаба Донской Армии полковник В. А. Добрынин: «...Нужно признать ошибочным поворот корпуса на юг... Пожалуй, больше пользы принес бы рейд на Москву, вызвав бегство центральной власти и помощь населе-

нию в вооружении. Судя по легкости выполнения рейда, можно считать вполне вероятным, что коннице удалось бы взять Москву, вопрос же ее удержания находился бы всецело в руках населения и готовности его к борьбе с большевиками. Опасности для конного отряда эта операция никакой не представляла, так как поймать его у советской власти было нечем, и, кроме того, в случае угрозы наша конница легко могла в любом месте выйти на фронт и присоединиться к армии...»

Таким образом, положительное решение вопроса о взятии и удержании Москвы ставилось в прямую зависимость от поддержки населения. Судя по разведсводкам белой контрразведки, равно как и по секретным сводкам ВЧК, немалая часть крестьянства и рабочих готова была оказать поддержку наступающим на Москву Белым армиям. Мамантовский рейд стал своеобразным индикатором политических настроений Центральной России. Корпус мог стать стержнем антибольшевицкого сопротивления в коренных российских губерниях. В ходе рейда повсеместно восстанавливались органы земского и городского самоуправления. В Ельце, Тамбове, Лебедяни, Воронеже формировались отряды местной самообороны, объявления о призыве в которые публиковались на страницах газеты «Черноземная Мысль», издаваемой при Штабе корпуса. Раздача оружия крестьянам не прошла даром, его использовали год спустя, во время одного из самых мощных и опасных для большевистской власти Тамбовского восстания 1920–1921 годов.

«Гигантской петлей сдавил корпус Мамантова шею советского фронта», «донская стрела – корпус генерала Мамантова поражает черное сердце большевизма», – писали газеты Юга России. Рейд показал, что казачество верит в необходимость «похода на Москву» и что идеи «областного сепаратизма» могут быть легко преодолены в ходе успешных боевых операций в составе ВСЮР.

* * *

Тихий Дон торжественно встречал героя рейда. Войсковой Круг постановил наградить Мамантова почетным оружием – серебряной шашкой. На эфесе был выгравирован вензель «К. М.» (Константин Мамантов) и герб Всевеликого Войска Донского – «Елень (олень), пораженный стрелой». На клинке красовались надписи: «Герою Родины Генералу Мамантову от Донского Атамана и Правительства за беспримерные в мировой истории рейды с казачьей конницей в войне с большевиками» (лицевая сторона) и «18 мая 1919 г. – 12 июня 1919 г. Константиновская – Морозовская – Чир – Нижне-Чирская – Усть-Медведицкая – Арчада – Раздорская – Березовская – Дубовка. 28 июля 1919 г. – 5 сентября 1919 г. Еланское Колено – Тамбов – Козлов – Лебедянь – Елец – Касторная – Грязи – Воронеж – Средний Икорец – Репьевка – Коротояк» (оборотная сторона). В своем выступлении перед депутатами Круга, особо остановившись на перспективах крестьянского антибольшевицкого сопротивления в Центре России, Мамантов сказал: «...Казачьи части проявили доблесть... Но должен отметить и некоторую тревогу, проявляющуюся в том, что казаки поговаривают, будто к ним отношение не такое внимательное, как к Добровольческой армии, и что можно добровольцам, того казакам нельзя... Когда настанет время движения на Москву, когда “снежная красавица” (название Добровольческой Армии в устах Атамана Краснова. – В. Ц.) войдет в Москву, пусть она не забудет Дон, который, может быть... и не сможет вместе с Добровольческой армией войти в Москву. Когда же Дон Иванович явится

туда истерзанный и в рубище, пусть ему будет приготовлено почетное место среди тех, кого он лелеял на своей груди».

Однако верхи ВСЮР, покровители «снежной красавицы», оценивали рейд по-иному. Еще не успели казаки перейти обратно фронт, как на корпус и его командира посыпались обвинения. 7 сентября 1919 года генерал Сидорин получил от Главнокомандующего телеграмму, в которой Деникин, обвиняя Донскую Армию в бездействии и невыполнении директив, писал: «...Ген[ерал] Мамантов вместо выполнения поставленной задачи *гуляет по пустым местам*⁵³, уклоняясь от столкновения с той группой противника, которая должна явиться первым объектом его действий, остальные части стоят пассивные, и вся задача возложена на ген[ерала] Шкуро...» В ответной телеграмме Сидорин заявлял: «...Все время активно обороняясь с непрерывными боями, я все же, во имя интересов нашего фронта, нашел возможным выделить свой лучший конный корпус для рейда в глубокий тыл красных. Громадное значение его оценено даже противником. Уничтожение его баз в Тамбове, Козлове, Ельце, разрушение важнейших железнодорожных узлов облегчило в сильной мере продвижение правого фланга Добровольческой армии. Роспуском 100 000 пленных и мобилизованных он не только ослабил вдвойне фронт красных, но создал благоприятную политическую обстановку для дальнейшего продвижения наших армий к центру России...»

Позднее, в эмиграции, А. И. Деникин оценивал действия Мамантова более объективно: «Мамантов... пройдя с боем через фронт, пошел на север, совершая набег в глубокий тыл противника – набег, доставивший ему громкую славу, звание народного героя и... служебный иммунитет... Будем справедливы: Мамантов сделал большое дело, и недаром набег его вызвал целую большевицкую приказную литературу, отмеченную неприкрытым страхом и истерическими выпадами... Но Мамантов мог сделать несравненно больше: использовать исключительно благоприятную обстановку нахождения в тылу большевиков конной массы и, сохранив от развала свой корпус, искать не добычи, а разгрома живой силы противника, что несомненно вызвало бы новый крупный перелом в ходе операции...»

Категорически отрицательно оценил рейд Врангель. Он считал действия генерала Мамантова «не только неудачными, но явно преступными. Проникнув в тыл врага, имея в руках крупную массу прекрасной конницы, он не только не использовал выгоды своего положения для разгрома войск противника, но явно избегал боя, все время уклоняясь от столкновений. Полки генерала Мамантова вернулись обремененные огромной добычей в виде гуртов племенного скота, возов мануфактуры и бакалеи, столового и церковного серебра. Выйдя на фронт наших частей, генерал Мамантов передал по радио привет “родному Дону” и сообщил, что везет “тихому Дону” и “родным и знакомым” “богатые подарки”. Дальше шел перечень “подарков”, включительно до церковной утвари и риз. Радиотелеграмма эта была принята всеми радиостанциями. Она не могла не быть известна и штабу Главнокомандующего. Однако генерал Мамантов не только не был отрешен от должности и предан суду, но ставка явно его выдвигала...»

Чего больше в этой оценке – затаенного недоверия к казакам, честолюбия или личной неприязни между двумя бывшими Гвардейцами-кавалеристами – Врангелем и Мамантовым, – сказать трудно. Во время рейда имели место и грабежи, и необоснованные реквизиции, в общем типичные для любой войны, а гражданской в особенности. Однако представлять весь рейд как «повсе-

местные насилия», «издевательство над мирным населением» неоправданно и неверно.

Но, как считается, лучшая похвала — из уст врага. В советской историографии рейд Мамантова считали образцово подготовленным и выполненным. О нем писали и советские литераторы, достаточно назвать «Хождение по мукам» А. Н. Толстого или специально написанную на этот сюжет повесть А. Шейкина «Опрокинутый рейд». С. М. Буденный так писал о своем сопернике: «...Я считал Мамантова наиболее способным кавалерийским командиром из всех командиров конных корпусов армий Краснова и Деникина. Его решения в большинстве своем были грамотные и дерзкие. При действии против нашей пехоты он, умело используя подвижность своей конницы, добивался значительных успехов».

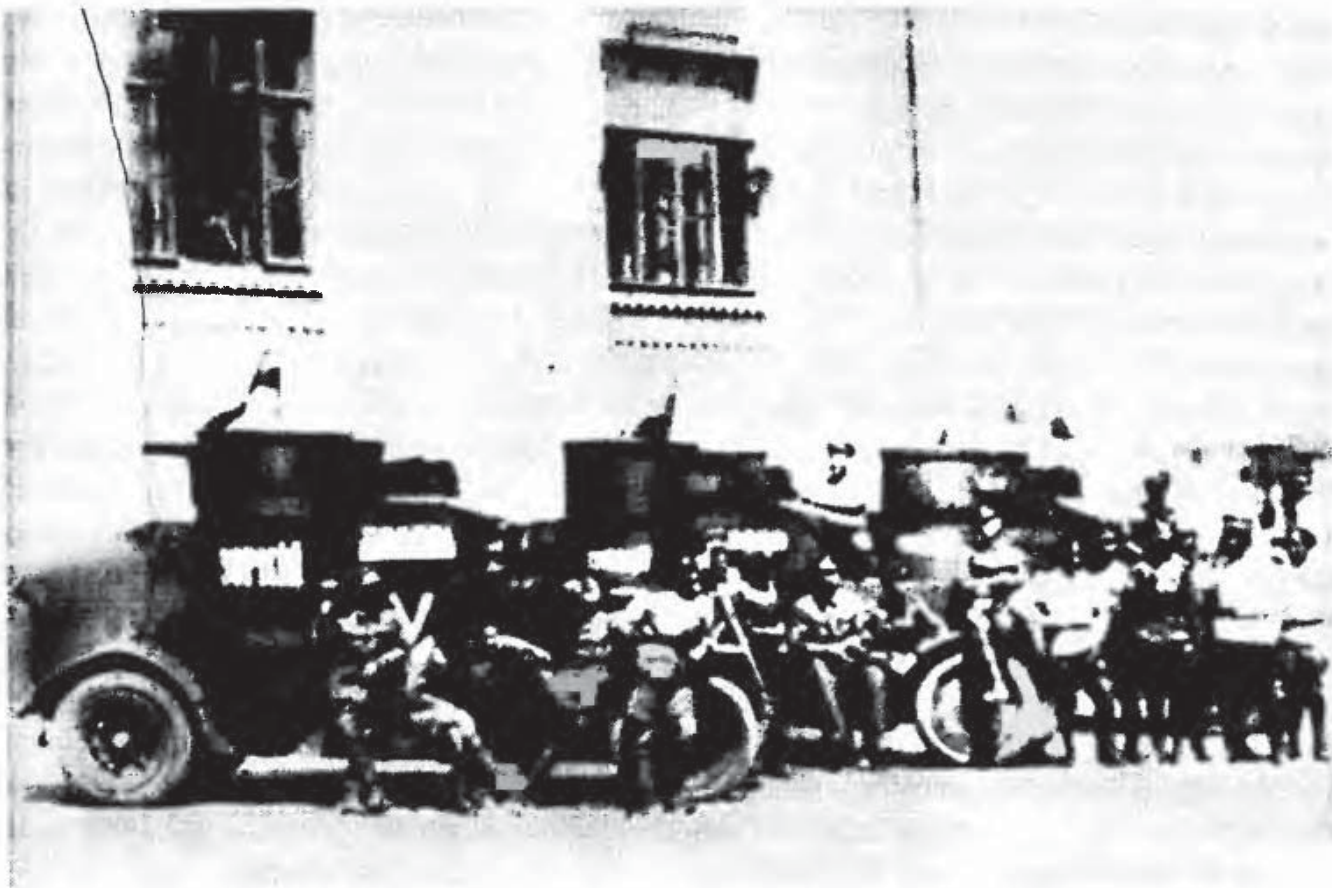
Удар корпуса способствовал срыву контрнаступления группы Селивачева. После ее разгрома Добровольческая Армия продолжила уверенное наступление на Москву.

После соединения со Шкуро Мамантов сначала продолжал движение на юг, но уже 12 сентября 4-й Донской корпус выступил в новый рейд. Снова, переправившись через Дон, корпус, которым в это время командовал генерал Секретев, 14 сентября нанес сильный удар в тыл защищавшей Лискинский железнодорожный узел группе красных. Отбив контратаки двух стрелковых дивизий, мамантовцы помогли 3-му Донскому корпусу занять Лиски и тем самым выполнили вторую задачу, поставленную перед ними накануне рейда.

Сам Мамантов в это время выступал на Войсковом Круге в Ростове. На обратном пути в штабном поезде Донской Армии на станции Чир он встретился с Врангелем. Свидание было коротким и неприятным, что очень скоро проявится в отношениях между двумя генералами на фронте.

В начале октября 1919 года начались переломные для ВСЮР бои под Орлом. Численность 4-го Донского корпуса уменьшилась до 2 тысяч шашек. Мамантовцы прикрывали правый фланг Добровольцев, защищая Воронеж и станцию Касторная. Против них и корпуса Шкуро действовал все тот же 1-й конный корпус Буденного, а также пехота советской VIII-й армии, общей численностью около 20 тысяч пехоты и сабель. Атака на белые позиции началась 30 сентября. С помощью подошедшей пехоты и танков Мамантов и Шкуро нанесли ответный контрудар, однако его сила оказалась недостаточной для решающего перевеса. 10 октября началась новая атака красных на Воронеж, и на следующий день город был оставлен. Собрав все наличные силы, корпус Мамантова 20–26 октября несколько раз переходил в контратаки. Однако давление превосходящих сил красных, а также их фронтальное наступление от Ливен и Ельца заставили корпус отойти к Старому Осколу. Холодные затяжные дожди сменились сильными метелями, и под их прикрытием красные казаки 2 ноября заняли Касторное. Впервые мамантовцы понесли серьезное поражение от Буденного.

Однако Ставка Главкома не признавала отступления своих войск и требовала нанести удары по наступающей от Воронежа красной группировке. Для этого предполагалось создать отдельную конную группу, основой которой стал корпус Мамантова. Группа, сосредоточенная в Валуйском районе, включала в себя 3500 шашек Донской конницы и 1000 — Кубанцев и Терцев. В своих рапортах Мамантов постоянно доносил об усталости казаков от непрерывных боев, об измотанности лошадей, о недостатках в снабжении, об упадке духа, особенно среди Кубанских казаков. Ни интендантство, ни броневики

Белый автобронепотряд в Царицыне, 1919 год

так и не присоединились к корпусу вплоть до самого отхода за Дон в январе 1920 года. На Белый фронт обрушилась страшная эпидемия тифа, жестокие метели и морозы не позволяли уставшим бойцам совершать планируемые Ставкой контрудары.

Вместо отправленного в отставку генерала В. З. Май-Маевского на пост командующего Добровольческой Армией был назначен Врангель. В качестве обязательного условия принятия командования он поставил категорическое требование об отрешении Мамантова от должности: «...Доколе во главе конницы будет стоять генерал Мамантов, конница будет уклоняться от боя и заниматься только грабежом». Ставка согласилась с Врангелем, и 27 ноября вся конная группа Мамантова была передана в подчинение Врангелю, который тут же стал назначать на командные посты своих соратников по Кавказской Армии. Конную группу вместо Мамантова должен был принять генерал С. Г. Улагай.

Приняв командование Добровольческой Армией, Врангель, по его словам, никак не мог установить связи с Мамантовым. В условиях откатывающегося фронта и полного развала коммуникаций наладить сколько-нибудь надежную связь между частями было невозможно. И когда, наконец, 1 декабря связь была установлена, Мамантов получил заведомо невыполнимое задание — полностью уничтожить превосходящие его пехотные части красных. Тем не менее 4–5 декабря корпус втянулся в тяжелые бои под Купянском. Но Врангель уже все решил. Не дожидаясь итогов контрудара и директив Ставки, он собственным приказом отстранил Мамантова от командования за «преступное бездействие».

Мамантов был оскорблен поведением нового командарма. Честолюбивому генералу это напомнило его военную молодость, когда по любому случаю его пытались «поставить на место» без обоснованных обвинений. 6 декабря в телеграмме Сидорину он отмечал: «...С переходом конной группы в подчинение Добр[овольческой] Армии я заменен ген[ералом] Улагаем. Учитывая боевой состав конной группы, я нахожу несоответствующим достоинству Дон[ской] Армии и обидным для себя замену меня, как Командующего группой, без видимых причин лицом, не принадлежавшим к составу Дон[ской] Армии и младшим меня по службе...»

Получив приказ об отрешении от командования, Мамантов подал рапорт о болезни и, не дожидаясь Улагая, выехал в Штаб Донской Армии. 4-й корпус принял Кубанец – генерал В. Г. Науменко, совершенно незнакомый Донцам. В это время Буденный перешел в контрнаступление, отбросив конную группу за Бахмут. Боеспособность казаков серьезно ослабла. В донесении Врангелю генерал Улагай жаловался, что «разбогатевшая награбленным имуществом, особенно богатой добычей после кавалерийского рейда, потрясенная непрерывными неудачами, конница совершенно не желает сражаться, и часто несколько эскадронов гонят целую дивизию...»

Между Штабами Донской Армии и ВСЮР вновь вспыхнула «телеграммная война», губительная для общего дела. Как и после рейда, Сидорин взял Мамантова под защиту. 9 декабря он писал в Ставку Деникину: «...Это отрешение, ничем не вызванное, незаслуженное, заранее предрешенное, помимо тяжкой обиды, нанесенной генералу Мамантову, является оскорблением и всей Дон[ской] Армии со стороны ген[ерала] Врангеля... Я сам вижу в этом акте величайшую несправедливость и чувствую за ген[ерала] Мамантова горькую обиду. Прошу об отмене приказа ген[ерала] Врангеля и о более бережливом и внимательном отношении старших начальников к частям Донской Армии, входящим в состав других армий». Даже Донской Атаман генерал Богаевский, несмотря на свою обычную лояльность к руководству ВСЮР, заявлял: «Вполне присоединяюсь к телеграмме ген[ерала] Сидорина относительно отрешения ген[ерала] Мамантова. Бесцельное оскорбление славного Донского генерала, много раз рисковавшего жизнью за общее дело, только усилит падение духа на фронте, далеко не твердое ввиду боевых неудач. Настоятельно прошу также об отмене приказа ген[ерала] Врангеля...»

Сам же Мамантов полагал необходимым лично ответить Врангелю. Им была написана телеграмма, в которой очень резко говорилось о конфликте между Добровольческим командованием и казачеством: «Доколе ген[ерал] Романовский (начальник Штаба Главнокомандующего ВСЮР. – В. Ц.) и ген[ерал] Врангель будут распоряжаться Донцами, как пешками, я не считаю возможным занимать ответственной должности под их командованием. Полагаю, что насильное принуждение меня остаться в должности командира корпуса при создавшихся взаимоотношениях не принесет пользы, а посему, дабы не вредить делу, прошу меня и моего начальника штаба, как разделяющего мой взгляд, освободить от должностей и назначить на любую должность, начиная с рядового казака».

Ответы Деникина и Сидорина были однозначны: «Генерал Мамантов должен командовать корпусом, руководствуясь благом Родины и отменяя личное самолюбие» (Деникин); «Во имя спасения Родины и Дона считаю необходимым Вам остаться в рядах созданного Вами 4-го корпуса впредь до распоряжения» (Сидорин). Приехав в Ставку, Сидорин смог добиться восстановления

Мамантова в прежней должности. И уже 10 декабря его корпус передавался обратно в состав Донской Армии, а генералы Улагай и Науменко отправились в Екатеринодар.

* * *

Возвращение любимого генерала было встречено казаками с огромным воодушевлением. Начиналась решающая для Белого Юга операция – оборона Ростова и Новочеркасска. Для спасения Донской столицы стягивались все резервы, даже гражданских чиновников заставляли проходить военное обучение, подходили броневики, танки, бронепоезда. Корпус Мамантова сосредоточили в центре обороны в районе Кутейниково – Несветайская. Вместе со Сводным конным корпусом, куда входила Добровольческая кавалерия, они должны были составить конный кулак для нанесения лобовых и фланговых ударов по наступавшим большевикам. 18 декабря 4-й Донской корпус отбил все атаки красной конницы под Провальскими заводами, а 20 декабря отбросил противника к северу, заняв хутора Варваровский и Медвеженский, захватив 6 орудий и 12 пулеметов. Были разбиты две стрелковые дивизии красных. Но в этот момент к Новочеркасску прорвались части 21-й стрелковой дивизии и кавалерийской дивизии М. Ф. Блинова. В ночь перед Рождеством красные захватили столицу Тихого Дона. Узнав об этом, Донцы повернули назад. Корпус нанес фланговый удар по группе Блинова, Мамантов и Толкушкин лично повели в атаку свои полки. Однако вернуть город не удалось. До Мамантова дошли сведения, очевидно, провокационного характера, о якобы начавшейся эвакуации Ростова. В этой ситуации, понимая, что корпус окажется окруженным, Мамантов решает отступить. 27 декабря у станицы Аксайской по полузамерзшему Дону казаки перешли на левый берег.

Поверив слухам об отступлении белой пехоты, Мамантов бросил правый фланг Добровольческой Армии на произвол судьбы. Можно во многом оправдывать генерала, но в данном случае он поступил по существу предательски. Ведь еще в начале переправы он получил от генерала А. П. Кутепова просьбу прикрыть Добровольцев и вместе с ними отступить через переправы у Ростова. Мамантов отказался это делать, ссылаясь на усталость казаков и опасность переправы через Дон по неокрепшему льду. Так конфликт между Добровольческой Армией и казачеством привел к падению Ростова и Новочеркасска, а с ними и к потере всего Всевеликого Войска Донского.

Стремительный поток кавалерии Буденного уже невозможно было остановить. Ростов сдали на милость победителям. Начались погромы «недобитой контры», массовые грабежи, убийства тех, кто не смог уйти с «золотопогонниками». Не щадили даже раненых в госпиталях. День и ночь шли пьяные оргии под аккомпанемент еврейской песенки, ставшей позднее гимном Первой Конной – «Мы красная кавалерия...» Буденному даже пришлось отдать своим доблестным конармейцам специальный приказ о прекращении разбоя.

Однако отход за Дон не означал еще поражения Белых армий. Пехотные части свели в Добровольческий корпус под командование Кутепова, а генерал Врангель уехал в тыл. Теперь Ставка ВСЮР уже не могла не считаться с казаками, ведь позади была Кубань, последняя надежда Белого командования, а Донцы и Кубанцы составляли теперь подавляющее большинство в рядах ВСЮР. Деникин издает указ о создании «Южно-Русской власти», в составе которой будут представительные учреждения, казачьи по составу, правительство будут составлять также казаки, а роль Главнокомандующего ВСЮР – до

сих пор военного диктатора — снижается до роли простого руководителя Вооруженных Сил.

Произошли перемены и в оперативном командовании. Теперь всеми действиями на фронте стал руководить генерал Сидорин. За Доном и Манычем полки переформировались, сократили штабы и обозы, подготовились к новым боям. Деникин и Сидорин неоднократно выезжали на фронт, принимали парады, говорили о необходимости удержания Кубани, от которой пойдет новое возрождение России, как это уже было во времена Ледяного и Второго Кубанского походов.

Заметно усилился и мамантовский корпус. Пополнились его ряды, и он снова насчитывал 12 тысяч бойцов. Полки отдохнули, и казаки готовились к реваншу за оставление Ростова и Новочеркасска. В свои части возвращались даже дезертиры, ведь их родные станицы были заняты красными. На совещании в Штабе корпуса Мамантов изложил план очередного конного рейда. Предполагалось создать новую конную группу, основу которой составил бы его корпус, и ударить по центру растянутого красного фронта. В случае успеха этот удар мог бы привести не только к возвращению Ростова и Новочеркасска, но и к полному разгрому красной конницы. План отправили на рассмотрение в Штаб Армии, однако он так и не был осуществлен.

Скоро начались новые бои. Окрыленные успехами конники Буденного и Думенко двинулись на Кубань, чтобы добить «гидру контрреволюции». Но здесь их ждали жестокие поражения: 6 января 1920 года между Батайском и станицей Старочеркасской была разбита армия Буденного, а 15 января на Маныче у хутора Веселого 4-й Донской корпус с приданной ему из 2-го Донского корпуса 4-й конной дивизией в жестоком встречном бою разбил конницу Думенко, захватив свыше 20 орудий, много пулеметов и пленных.

Командование корпусом в это время принял генерал А. А. Павлов, бывший Лейб-Гусар, командовавший во время Великой войны VI-м кавалерийским корпусом. Мамантов был знаком с ним еще по боям на Западном фронте в 1915–1916 годах. Сам Константин Константинович был неожиданно вызван на станцию Сосыка в Штаб Донской Армии, где получил от Сидорина приказ выехать в Екатеринодар на заседания Верховного Круга Дона, Кубани и Терек. Мамантов и его казаки, очевидно, не могли представить, что они видят друг друга в последний раз...

В поезде на Екатеринодар для Мамантова и двух ехавших с ним генералов почему-то не оказалось места в классных вагонах, и они недолго думая поехали в «теплушке», до отказа набитой солдатами и казаками. В этой страшной тесноте он, очевидно, и заразился тифом.

Его собственная семья, все время с весны 1919 года проживавшая в станице Нижне-Чирской, к этому времени уже выехала в Новороссийск, собираясь затем отправиться в Батум, где у жены Мамантова было имение «Цихидзир». Семью сопровождал двоюродный брат генерала Н. Н. Коковцов.

Выступая на Круге, Мамантов призывал к единству фронта и тыла, ко всеобщей мобилизации на Кубани. Речь сопровождалась бурными овациями, генерала внесли в зал городского театра на руках. 8 января он собрался ехать обратно на фронт к своему корпусу, рассчитывая получить командование конной группой.

У него уже началось недомогание, болела голова, и ему предлагали остаться. Мамантов отказался и в холодном, продуваемом сквозняками вагоне с выбитыми стеклами выехал из Екатеринодара. Но всего лишь через несколько

часов пути генералу пришлось вернуться. В довершение к прогрессирующему тифу Мамантов заболел воспалением легких и почек. В Новороссийск жене пришла срочная телеграмма от самого Атамана Богаевского, вызывавшая ее в Екатеринодарскую больницу.

Войдя в палату к своему мужу, Мамантова с ужасом увидела почти неузнаваемый «форменный скелет». Однако благодаря заботам жены и врачей генерал стал быстро поправляться, и 29 января состоялся консилиум, решивший, что больного можно отправить в Батум на лечение, но возвращение на фронт ему категорически запрещено. Для подкрепления сил ему рекомендовали еще на два-три дня задержаться в больнице. Ночное дежурство врачей у него прекратилось, и дежурила только его супруга.

Вот в это-то время и произошла трагедия, подробности которой до сих пор относятся к «белым пятнам» истории. Трагедия вероятного отравления Мамантова.

«...В комнате у больного горел примус; на нем кипел чайник, – описывала Екатерина Васильевна Мамантова события той страшной ночи 31 января 1920 года. – К[онстантин] К[онстантинович] сидел в подушках и разговаривал со мною. Часов около десяти вечера я накормила его ужином. Напоила горячим чаем и уложила в постель. Он заснул.

Я тоже легла спать... Вдруг... скрипнула дверь... Я моментально вскочила с кровати. К[онстантин] К[онстантинович] – уже не спал. Около его кровати я увидела фельдшера... В своих руках фельдшер держал шприц. Конст[антин] Конст[антинович] сразу же тревожно закричал мне: “Гони, гони... его, подлеца, вон”... Я спросила фельдшера, “зачем он пришел и что ему надо?” Фельдшер ответил, что по приказанию доктора, он должен сделать ночью больному впрыскивание “успокоительного лекарства”.

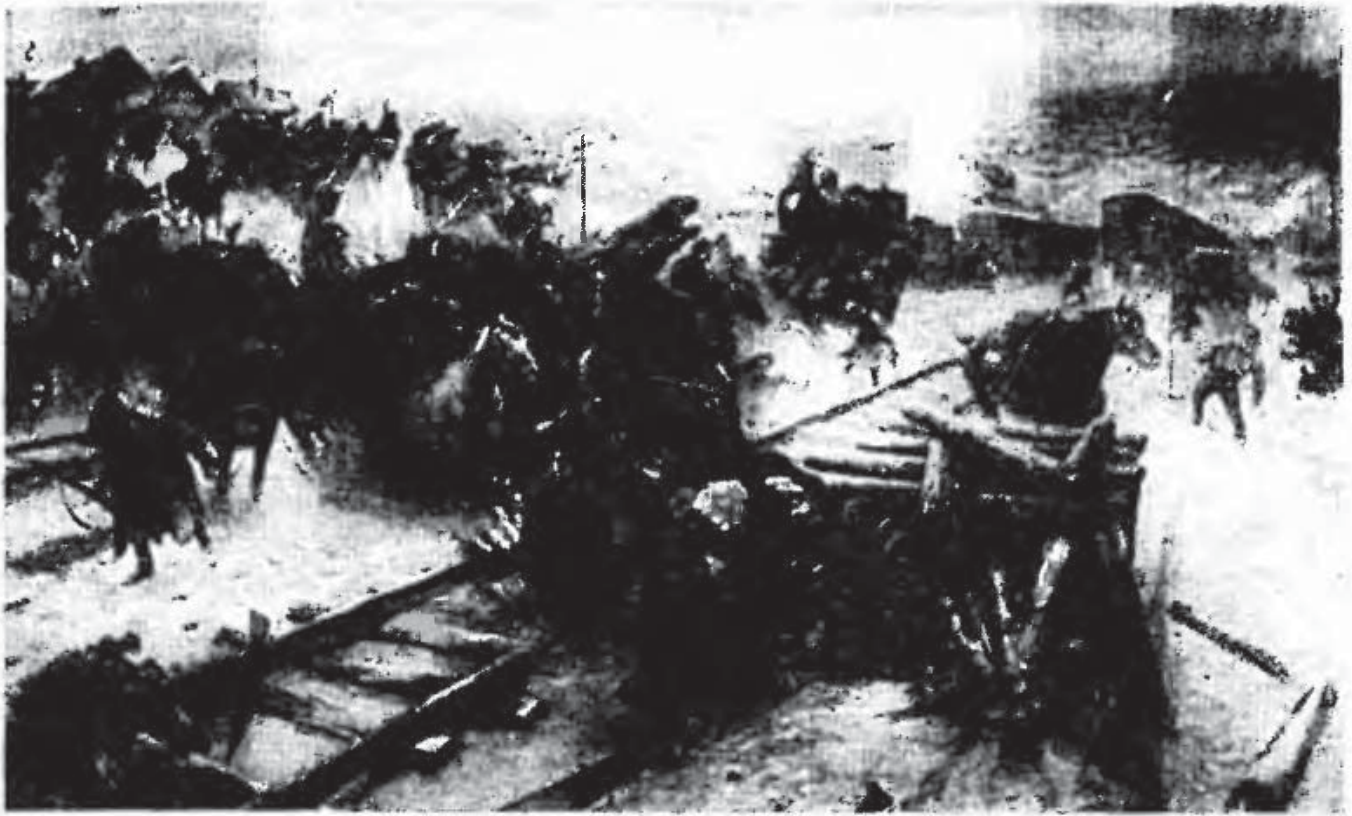
После крика К[онстантина] К[онстантиновича] “гони... гони”... я бросилась к фельдшеру и хотела его не допустить к Конст[антину] Конст[антиновичу]. Но фельдшер сопротивлялся, очень грубо, сильным ударом, оттолкнул меня от себя... так, что я чуть не упала на пол. Я бросилась к двери, ведущей в коридор, чтобы кого-нибудь позвать себе на помощь. Этим моментом воспользовался фельдшер и сделал Конст[антину] Конст[антиновичу] укол шприцем... возможно и вероятно с отравленной жидкостью... как я думала после и думаю теперь.

После этого укола фельдшер быстро подошел ко мне и, так как я закрывала выход из комнаты, оттолкнул меня от двери и поспешно вышел из комнаты. На мой крик – “на помощь” – ко мне никто не пришел: было два часа ночи.

Когда я вернулась от двери и подошла к Конст[антину] Конст[антиновичу], на мои вопросы он мне уже больше ничего не отвечал... и сказать мне ничего не мог. В ту же ночь этот фельдшер сбежал из больницы... Утром, когда пришел доктор для очередного осмотра больного, я ему рассказала все, что произошло ночью. Он очень удивился и сказал мне, что никакого распоряжения фельдшеру о впрыскивании Конст[антину] Конст[антиновичу] “успокаивающего лекарства” он не давал.

До самой своей смерти К[онстантин] К[онстантинович] после этой ночи ничего не пил, не ел и не говорил... Все это время он находился в бессознательном состоянии и никого не узнавал... И при его смерти около него была только я одна...

Уже в Крыму Н. Н. Коковцов мне рассказал, что по вызову врачей профес-

*Окружение частей генерала Крыжановского
1-й Конной армией у станции Белая Глина в феврале 1920 год*

✓ сор Сиротинин за два часа до смерти Конст[антина] Конст[антиновича] осматривал его и сказал Николаю Николаевичу, что ген[ерал] К. К. Мамантов был отравлен...»

✓ Придерживался версии об отравлении и Протопресвитер Добровольческой Армии отец Георгий Шавельский, причащавший Мамантова. Наконец, еще один убедительный довод. Секретные донесения контрразведывательного отделения Штаба Донской Армии содержали информацию о том, что в 4-м корпусе еще 26 января была раскрыта подпольная большевистская организация, действовавшая под руководством корпусного врача Маслова, в свою очередь получавшего указания из Санитарного отдела Штаба Донской Армии. В этой связи более чем вероятным предполагается участие в отравлении генерала фельдшера Екатеринодарского госпиталя.

✓ 1 февраля 1920 года в 12.30 утра генерал-лейтенант Мамантов, не приходя в сознание, скончался, а 4 февраля в 10 часов утра в Екатеринодарском кафедральном соборе состоялось отпевание погибшего. Только что прошел праздник Сретения Господня, приближалась Масленица, а под сводами огромного собора совершалась скорбная панихида. Храм был полон молящимися, пришли делегаты Верховного Круга, рядовые казаки и офицеры, представители английской и французской военных миссий. Екатерина Васильевна, находившаяся под впечатлением той трагической ночи, во время отпевания потеряла сознание. Тело генерала было погребено в усыпальнице собора, все расходы по погребению взяла на себя казна Донского Войска. Члены Круга минутой молчания почтили память Мамантова, а Атаман Богаевский 2 февраля выпустил специальный приказ:

«Вследствие тяжелых условий повседневной жизни на фронте, героически переносимых нашей доблестной армией, болезни уносят из наших рядов многих героев, посвятивших себя служению Родине. Много жертв выхвачено смертью из командного состава армии, жившего одной жизнью с рядовыми бойцами.

Не пощадила она и нашего героя, одного из лучших вождей армии и гордость нашей конницы... Мир праху твоему, Храбрейший из Храбрых! Дон никогда не забудет твоих дел и трудов на пользу и славу родного края и по достоинству почтит он память своего народного героя, как только войдет в русло своей нормальной, спокойной и трудовой жизни...»

Газета «Кубанская Воля» печатала некрологи, из которых особенно выделялся один: «Командующий корпусом ген[ерал] Павлов, офицеры и казаки 4-го Донского Конного Корпуса с глубоким горем извещают о смерти их любимого вождя и командира генерал-лейтенанта Константина Константиновича Мамантова, последовавшей 1-го февраля в гор[оде] Екатеринодаре».

Но самих представителей от мамантовского корпуса почти не было на отпевании. Казаки и офицеры не смогли проводить в последний путь генерала. В это время, по какой-то непостижимой, мистической иронии судьбы, в день смерти своего командира погиб и его корпус. 1 февраля генерал Павлов получил приказ нанести фланговый удар по конной группе Буденного, наступавшего в район Тихорецкая – Торговая в обход правого фланга белых, для прорыва в глубокий тыл на Екатеринодар. 4-й Донской корпус должен был перехватить Буденного, не дать ему выйти к Торговой. Донское командование направило мамантовцев наперерез красным. Одновременно с этим началось контрнаступление Добровольческого и 3-го Донского корпусов на Ростов и Новочеркасск.

Опасаясь, по-видимому, отдаляться далеко от основной линии фронта, Павлов повел корпус не правым берегом Маныча, преследуя Буденного, как ему предлагали многие командиры, а левым – по голой, продуваемой всеми ветрами степи. В это время свирепствовали 30-градусные морозы с жестокими метелями. Начался смертельный марш к Торговой. Артиллерийские упряжки, выбиваясь из сил, тащили орудия и зарядные ящики по глубокому снегу, но скоро выбились из сил. Конница застревала в снегу. Обозы, полевые кухни отстали. Людям пришлось ночевать в стогах гнилой соломы, чтобы хоть как-то отогреться. Редкие хаты зимовников набивались до отказа. Так прошли двое суток. К утру третьего дня корпус вышел к Торговой. Без пулеметов и артиллерии части получили приказ в сильную метель атаковать станцию. Но лошадей нельзя было заставить бежать даже рысью, они еле двигались шагом. Люди не могли держать винтовки, роняли их в снег. Атакующих встретил сильный артиллерийский и пулеметный огонь. И хотя несколько сотен ворвались на улицы Торговой, о ее удержании и тем более о разгроме Буденного не могло быть и речи. Остатки корпуса оказались отброшенными в холодную степь и лишь с рассветом отошли на Егорлыцк – Мечетинскую.

Когда же корпус дошел наконец до теплого жилья, его мучения продолжились. Оказалось, что большая часть казаков обморозилась, и, отогревшись, они начали умирать в страшных мучениях. Трупы, как дрова, грузили в товарные вагоны. Из 12 тысяч бойцов в корпусе осталось всего 5 тысяч, остальные были убиты, ранены, замерзли в снегах. Дух корпуса был сломлен, а известие о гибели Мамантова еще больше расстроило казаков. Погибло две трети донской конницы. Генерал Павлов был отрешен от командования, и командиром корпуса стал генерал Секретев.

Казачи не верили, что их командир умер от тифа. Пришлось даже создавать специальную комиссию Отдела пропаганды, которая безуспешно пыталась разъяснить им причины смерти Мамантова. Более того, многие казаки были уверены, что гибель генерала и гибель корпуса связаны между собой, представляют хорошо запланированные либо советской разведкой, либо иными «темными силами» действия, цель которых – подорвать Белый фронт изнутри.

Красные ликовали. Более желанного подарка накануне наступления на Кубань трудно было представить. Погиб лучший конный корпус и его талантливый командир. Рассказывали, что Буденный, узнав от пленных казаков о смерти своего заклятого врага, приказал их на радостях отпустить. Командир 20-й советской дивизии Майстрах так пишет об этом: «...Некогда гремевшая славными и лихими атаками “непобедимая” мамантовская конница, лучшая белая кавалерия, после этого боя сильно утерjala свое грозное значение на Деникинском и нашем Кавказском фронтах».

* * *

Перед красными открылась прямая дорога на Кубань. Вскоре окончательно развалилась Кубанская Армия, казаки расходились по станицам, красные наступали на Екатеринодар. Город спешно эвакуировался. И в суете общего отступления забыли о «степном герое» генерале Мамантове, гроб которого так и стоял в соборе, обложенный венками и цветами. К его вдове приехало несколько казаков с фронта, уговаривая забрать гроб в Новороссийск. Мамантова выехала в уже полупустой Екатеринодар, но обещанной помощи не получила. Она успела лишь обрезать ленты у венков и отслужить панихиду. Гроб так и остался в усыпальнице Екатеринодарского собора на поругание вступавшим в город большевикам.

Остатки корпуса продолжали свой отход к Новороссийску. Город был переполнен беженцами и отступавшими воинскими частями. Все хотели только одного – быстрее уплыть в Крым. На пристанях не было никакого порядка, не хватало транспортов. Большинство казачьих частей так и не смогли погрузиться. Многие части 2-го и 3-го корпусов сдались в плен большевикам. Кубанские полки отступали вдоль побережья к Сочи. Вместе с ними уходили и казаки мамантовского корпуса. Не пожелавшие сдаться, они даже после того, как Кубанский Атаман Н. А. Букретов сдал Кубанскую Армию в плен большевикам, дождались помощи. Из Севастополя за ними пришли транспорты, на которых казачьи части были вывезены с побережья. Эвакуировавшиеся мамантовцы составили основу 2-й Донской дивизии Донского корпуса генерала Ф. Ф. Абрамова. Это были, по общему признанию, самые испытанные, надежные полки, которыми командовали соратники Мамантова. После падения Белого Крыма – снова эвакуация, лагеря Чаталджи и Лемноса, Болгария, Сербия, рассеяние по всему свету...

Семья Мамантова выехала через Туапсе в Батум, затем в Крым – в Евпаторию, где в 1920 году располагался Штаб Войскового Атамана. С 1923 года они жили в Болгарии, на небольшом хуторе, а позже – в Югославии. Атаман Богаевский несколько раз высылал семье небольшую субсидию. После начала Второй мировой войны Мамантовы вместе со знаменитым «казачьим станом» эвакуировались в Северную Италию, а затем в Австрию. Здесь они пережили весь ужас выдачи казаков английскими войсками в СССР, и лишь благодаря заступничеству перед англичанами профессора Вербицкого семью генерала

не передали Советам. Мамантовы выехали в США, где вдова получала небольшую муниципальную пенсию. Среди казаков-эмигрантов одно время была популярна идея создания фонда имени генерала Мамантова, но это так и не осуществилось. История Мамантова и его корпуса вызвала многочисленные статьи в эмигрантских военно-исторических журналах – «Родимом Крае», «Вестнике Первопоходника», «Военной Были».

Тех, кто волей судьбы остался в Советской России, ждали доносы, выселения, расстрелы. Достаточно было слов «он служил у Мамантова», чтобы вынести обвиняемому смертный приговор. Репрессировали всех, независимо от должности и чина. Некоторым бывшим мамантовцам пришлось скрываться на окраинах Ростовской области, в Задонье, известном многим еще по Степному походу. По возможности меняли паспорта, фамилии, переписывали биографии, переезжали на Урал, в Сибирь, пытаясь уйти от «всевидающего ока» Лубянки. Но их все равно находили, допрашивали в местных отделениях ОГПУ–НКВД. Особенно с большим пристрастием пытались узнать, где спрятано золото, якобы в изобилии добытое во время рейда. Казаков отправляли в лагеря, на лесоповал. Назад вернулись единицы...

Те, кто прошел через ГУЛАГ, не могли даже упоминать о Гражданской войне и только иногда, шепотом, нередко в предсмертные часы говорили о своем белогвардейском прошлом. Все, что им оставалось, – это память. Память пройденных дорог, звездных августовских ночей 1919 года, память степных просторов, по которым шли славные мамантовские полки, память порохового дыма царицынских боев и смертельных ледяных ветров маньчжских степей 1920-го, память о рейдах, о горячих атаках, о своих товарищах и о своем командире – непобедимом Мамантове.